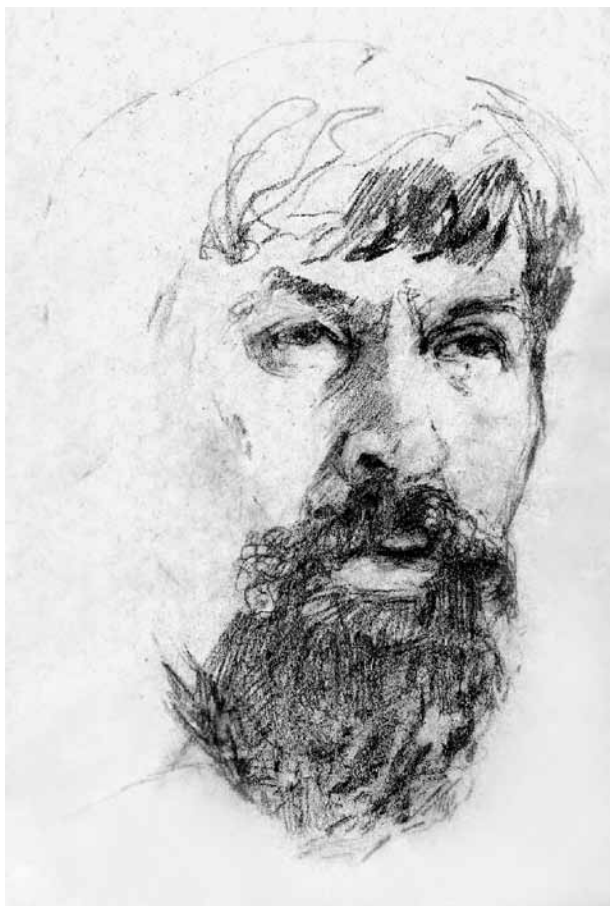

ГЛУХАЯ
ИСПОВЕДЬ

АНДРЕЙ ЧЕРНОВ

В данную электронную публикацию
на с. 161 в июле 2016 года внесена
авторская правка

Андрей ЧЕРНОВ

ГЛУХАЯ ИСПОВЕДЬ

СТИХИ И ПЕРЕВОДЫ

“СИНТАКСИС”
ПАРИЖ 2014

I.

ЗИМНЯЯ
ТЕТРАДКА

* * *

Вместе – ты да я, да мы с тобою,
Там, где нет ни моря, ни земли,
По ничейной полосе прибоя,
Рук не выпуская, побрели.

И не рыбы, но ещё не птицы,
Вместе – мы с тобою, ты да я,
Не умея перевоплотиться,
Длим пробег земного бытия.

Что с телами будет? Что с душою?
С тютчевской споткнувшейся строкой?
Только ты да я, да мы с тобою,
Да моя рука с твоей рукой.

Разве только лунною дорожкой
Повернём да – *инда побредём!* –
За промёрзлой ладожской морошкой
Вместе – ты да я, да мы вдвоём.

1 декабря 2013

* * *

Повторяю гамму,
Первопропись нашу:
«Мама мыла раму.
Маша ела кашу».

Что зубрил – замялось,
Что сберёг – забылось...
Только эта малость,
Мнемозины милость,

Так вот и осталась
На чёрный день, на старость.

5 декабря 2013

* * *

Нелеп, как пароход среди перронов,
«Собачья старость!» – говорил Аронов.
И громче прочих всех смеялся Берестов,
Заведующий стихотворных нерестов.

Мальчишками – накоротке с веками –
Едва переступив на третью треть,
Так и ушли, не ставши стариками,
Нас, стариков, оставили стареть.

5 декабря 2013

* * *

Кто научил тебя, тираня зренье,
По зёрнышку выклёвывать мгновенья,
Движенье останавливать вживую –
Ловить сетчаткой каплю дождевую,
Снежинку, что струится *под откос*,
И почему, ни в шутку, ни всерьёз
Из любопытства – вольно ли, невольно –
Ты не запомнил материнских слёз,
Хотя, наверно, знал, что сделал больно?

5 декабря 2013 – 22 марта 2014

* * *

Выходил куда-то. Лет на тридцать
Отлучился от простой строки.
Стариков не стало. Те же лица,
Да не те. Мы сами – старики.

Холодно, а потому постыло
Было в слишком взрослом том краю,
Если б ты меня не возвратила
В юность опустелую мою.

6 декабря 2013

* * *

Торопливым цветеньем черёмухи
Оправдаешь обиды и промахи,
Не заметив отсутствия брода
В направлении точки исхода.

Неулыбчивый Ангел Минувшего
Отверзает котомку грехов,
И не выручит заячье кружево
По остывшему кóстрищу слов.

Уязвлённый сигналом горниста,
С чем ты встретишь последний рассвет?
Многорука река, бережиста,
Да во времени брода нет.

5–9 декабря 2013

ПТИЧКУ ЖАЛКО

В нищете и умереть не страшно:
На подхвате тяготы не в труд.
Не простынут ни кутья, ни брашно,
Утлый скарб соседки разберут.

Извлекут припрятанную нычку –
Выпьют и всплакнут по мере сил.
Но замёрзнет на заре синичка,
Та, с которой крохи ты делил.

10 декабря 2013

РАБЫ НА ГАЛЕРЕ

Почитая казни полумерой,
Впредь не внемля ни добру, ни злу,
Параноик, правящий галерой,
Выбрал курс на ближнюю скалу.

Чем окончится прямая линия,
В трюме обсуждает молодёжь:
– Валим за́ борт, если руль заклинило...
– Далеко в железах поплывёшь?..

10 декабря 2013

* * *

*Исторические аналогии
суть политические технологии.*

Из дневника

Се Праматерь русских городов
Прямо по майдану режет руну,
Раз примерно в тысячу годов
Воздавая должное Перуну.

Подступили жаждущей толпой:
– Поучи, бесчувственная чушка!..
Лик серебряный. Ус – золотой.
И хребет – раскисшая гнилушка.

10 декабря 2013

МАЙДАН

Иной народ – иная даль.
На полном будто бы серьёзе
«Кто тут не скачет, тот москаль», –
Поют студентки на морозе.

Москаль, я дорого отдам,
Чтоб видеть: где-то за границей
Жовто-блакитною синицей
Лушит как семечки майдан
Наш древний страх мильонолицый.

10 декабря 2013

* * *

Феликсу Коэну

Где не знаешь, – неведомо где
Средь обыденного ненастья,
Как янтарик в солёной воде
Просверкнёт это краткое счастье.
Из-под самых неистовых туч
Улыбнётся и зябко, и зыбко,
На закате последний луч.
И влюблённость. И просто улыбка.

10 декабря 2013

* * *

Андрею Туркову

Лётчики стихов не сочиняли.
Им хватало глубины неба.
Моряки писали, но плохо:
море к рифме приревновало.
А танкисты сгорели в танках.
И оглохли артиллеристы.

Фронтальная плеяда – Гудзенко,
Слуцкий, Межиров,
Самойлов, Тарковский,
Окуджава, Фатьянов, Липкин,
Левитанский и Львов Владимир –
все из чрева русской пехоты:
на Парнас – в прахорях – из окопа.

11 декабря 2013

ЛВ. Прахоря. Так это слово у Бродского («На смерть Жукова»). Этимологии никто не знает, но лингвисты решили, что оно от какого-то Прохора.

* * *

O+C

На траверзе нежданной беды
И в тесном створе Сциллы и Харибды
За то, что принял правила среды
И не пренебрегал дарами кривды,

И наперёд верблюда лез в ушко,
И в небесах пустых, паря как птица,
Клевал конфетку «Птичье Молоко»... –
За всё за это надо расплатиться.

Полундра! Трое сбоку – ваших нет!..
И вовсе не система виновата.
«Виновен всякий, кто платил за свет», –
Так Лихачёв предупредил когда-то.

11–12 декабря 2013

КАЗУС САМОЙЛОВА

– Слаб я, человек... – и под коньяк
Продолжал: – Кто я?.. И.о. Поэта...
Первых – первым выкосил металл.
Не перебивай, я не про это...

В послесталинские времена
Отмечали что-то... Я не пьяный,
Злой, как чёрт... И вдруг вошла она...
Рыжая... Представилась Светланой.

Где-то выл, хлопком взрываясь, лифт.
Звук, сравнимый с песенкой фугаса,
Ежели в ночи... Знакомство. Флирт.
Пушкин. И ещё знакомых масса.

«Вы меня проводите?» «Легко!»
(Примечаю, что устои шатки!)
«Где живёте?» «Тут, недалеко.
На соседней лестничной площадке».

Дом на Набережной. Мощный бред
Иофана... Свет включать некстати...
Просыпаюсь... В полстены портрет –
Вождь. Конечно, с трубкой. Но в халате.

Сквозь окно – рубин кремлёвских призм.
Фрукты в хрусталах, как бы живые...
И тогда подумалось впервые:
Да имел я этот ваш *марксизм!*

Распрощались... Оттепель цвела
На дворе. Ну и по всей России.
Бил Хрущёв во все колокола.
Мумию ещё не выносили.

11–13 декабря 2013

ГЛУХАЯ ИСПОВЕДЬ

Григорию Галичу

...а если покаянья не случилось,
И все твои потуги *внезачёт*,
Последнюю оказывая милость,
Чернец глухую исповедь прочтёт.

Он верит, что не овощ ты, но овен.
Не на одре – на алтаре сейчас.
– Виновен ли? – О, Господи, – виновен.
Помилуй и прости в последний раз.

14 декабря 2013

Арбат, 51

ПАМЯТИ ЗАВЕНА

Не требуя взамен
Утраченного втуне,
Живописал Завен
Петросыч Аршакуни

(О нет, не на словах,
Словами были краски!)

Толпу на островах,
Трамвайчики *на Ваське*,
И на Неве буксир,
И сто портретов Нины, –

Обожен Божий мир,
Сойдя с его картины.

Да, как ни посмотри,
Тасуя запятые, –
Армянские цари –
Ребята непростые.

И этот, ох, не прост
В простой своей заботе,
Подписывая холст,
Но – лишь на обороте.

14 декабря 2013
Новинский бульвар, 7.
Кафе «Хлеб насущный»

РАЗГОВОР С АВЕРИНЦЕВЫМ. ЛЕТО 1983

*...да полетят над землёю,
по тверди небесной.*

Бытие. 1:20

– *Твердь* (небесная) – неверный перевод.
Греки верили, что небо – твёрдое.
По-еврейски *ракия* – простёртое.
Строй пространств и разделитель вод
(Тучи – «над», морей собрание – «под»)
А ещё – первопричина зренья,
Наше с вами третье измеренье.

Именно в него на пятый день,
Как в стихе двадцатом говорится,
Воспарили те, кому не лень, –
Те, кто смог, кто смел, короче, – птицы.

– *Твердь* – конгениальный перевод! –
Прокричу сквозь тридцать лет – в то лето,
Не червивый, не чернильный плод,
Это эхо Нового Завета.

Разделяя избранный народ
На раздаче той чудес и хлеба,
Пастырь твой – Атлант наоборот –
Держит землю, опершись на небо.

15 декабря 2013

АФАНАСИЙ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ,
составитель и редактор Нового Завета

Мысленное царство тридевятое,
Вытопанное, потом распятое,
Скинувшее смертные вериги, –
Это царство-государство Книги.

Лишь пошёл на спад девятый вал
Казней, новых казней и арестов,
Двадцать семь новозаветных текстов
Афанасий благовествовал.

Трижды девять. Литерная мера.
Книжнику и парус, и весло –
Свод графем, что со времён Гомера
Значили и букву, и число.

15–16 декабря 2013

ТРОСТЬ КИТОВРАСА

*Ирине Воиновой, архитектору-реставратору
Староладожской церкви Успения Богородицы*

Из бездны полусонных мреж,
С той кочки, с этого пригорка,
Звенит и дразнит поговорка:
– Семь раз отмерь, один отрежь, –

Но где, какой-токой порой
Не доверяя глазомеру,
Краснодеревщик и портной
Семь раз прикладывали меру?

Краснодеревщик и портной,
Не говоря уже о прочих,
Лишь перелицевали крой
Присловья византийских зодчих.

И никакой загадки тут:
Псалмы пропеты. Грунт заглажен.
И Парфенона древний фут
На тросточку семь раз приважен.
Отрежь. Се трость – Большая сажень.

Но чуда в тех лещинах нет...
Ты дань отдай долготерпенью
И подожди, пока рассвет
Разметит ось Успенской тенью.

15–16 декабря 2013

В ХРАМЕ

Школярских фенек пёстрый сор –
Весёлое собрание:
«Да будет свет! – сказал монтёр.
И сделал замыкание».

И на исходе стольких лет,
Что враз не перемелешь,
Ты повторяешь: «Будет свет...»
И медлишь, медлишь, медлишь...

16 декабря 2013

ДИСПУТ

Марку Борнштейну

– Коротка оливковая сень,
Кратка и дружков твоих осанна.
Долог будет лишь последний день
На ущербе месяца нисана.

Значит, по-еврейски *назара* –
Истина... Давай, соври про это,
Ты, кто врал толпе ещё вчера,
Назорей, болтун из Назарета.

Если чуда не произошло,
Есть ли смысл в свою фортуна верить?

Что есть истина?.. –

Сказал: – Число.

У евреев это цифра девять. –

Монограммой начертил «I.X.».

– Так по-эллински, а так девятка
Римская... – Не робкого десятка...
Иудей... Но кто же без греха...

– ...Ты царём назвался... – Ты сказал. –
Смотрит кротко, как пасхальный овен,
А смотри-ка – истину познал.
– Перед Римом этот не виновен. –

И уже у самых у дверей,
Холодком обдал сквозняк летейский.
– Напиши: Мессия. Назорей.
И ещё пиши: Царь Иудейский.

16–18 декабря 2013 — 29 апреля 2016

* * *

*Дочери Елене-Александре Трезини,
актрисе и помрежу
на крымском «Гамлете»*

Рычащее «Не тронь вина, Гертруда!..»
Нам Дмитрий Крымов перетолковал.
Откуда взял?.. Должно быть, из-под спуда.
Прищурился – и в яблочко попал.

Что за жемчужина мерцает в кубке,
Гертруда знает. Опускает взгляд.
Но не идёт, как прежде, на уступки.
Спасая сына, выпивает яд.

17 декабря 2013

МИЛЛЕНИАРЫ

Шурке, Кате и Тихону

И вот они вошли. Легки. Поджары.
Ещё не взрослые. Уже не дети.
Тихони звонкие – миллениары.
Антропоморфный стык тысячелетий.

И вне прикида гаджетов-бирюлек,
И прочих прибамбасов и примочек,
Встречай же этих Катек, Сашек, Юлек,
Сынов и дочерей сынков и дочек.

И заглянув в их будущее время,
И пожелав терпения и счастья,
Бубню себе в фейсбуке: здравствуй, племя!
Младое, но знакомое отчасти.

17 декабря 2013

ЖЕТОНЧИК МЕТРО

В Санкт-Петербурге солнца мало.
Дожди не знают проволочек.
Но ты однажды мне сказала,
Входя в метро: «Возьми желтончик!»

28 декабря 2013

ХРАМ ХРИСТА НЕРУКОТВОРНОГО ОБРАЗА

**в Конюшенном ведомстве,
где в разное время отпели двух весёлых поэтов,
а 24 февраля 2013 Алексея Германа-старшего**

Петроградской долгоночью,
Повернувшей на весну,
Восковое многоточье
Узелочком затыну.

Знатно их принарядили,
Протащив до рубежа
В камер-юнкерском мундире,
В пиджачке полубомжа.

А Гекуба?.. Что Гекуба?
Или Царское Село?
Взвыли фановые трубы.
Полпланеты замело.

Но не всё ль равно – метели,
Или яблони в цвету,
Возле этой колыбели,
Заглянувшей за черту?

Ростепельный, непогожий,
День по крышам бил клюкой.
А вчера прощались с Лёшей,
Да в компании какой –

Здесь и Альфа, и Омега
От лучины до ЛАЭС:
От Григорьева Олега
И до Пушкина А. С.

2013 – 4 января 2014

PS. Почти год не мог дописать этих стихов. Не было первой строфы. Но тут мой друг лингвист Сергей Николаев (мы с ним пишем комментарий к «Слову о полку...») обнаружил, что строка древнерусского поэта «Долго ночь меркнет...» должна записываться не в три, а в два слова: «Долгоночь меркнет...». Потому что ещё век назад было зафиксировано диалектное *долговечер* – поздний вечер (В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914. С. 176: «Сидел я долговечер один»).

ГЛЕБ НОВГОРОДСКИЙ. ЛЕТО 6579

Воспоминание у Тмутараканского камня

...Тот в Литве искал свою Изольду
И летал на облаке в ночи,
Ну а этот море мерил по льду
От Тмутараканя до Керчи.

А спустя три года в Новгородчине
Сел на стол на дедчине и отчине.
В то же лето голод приключился.
Ну и по весне волхв объявился.

Нашептал смущённому народу,
Что иссохла дедова земля,
Люто врал про волю, про свободу,
Веру христианскую хуля.

Отчего повыпиты колодцы?
Отчего в деревнях недород?
Новгородцы вы иль говнородцы?
Гостомысла внуки или скот?

Выплетал свои паучьи плутни:
Я, мол, бог... С богами не шути!
Де, сумею Волхов до полудни
Аки посуху перебрести.

Фёдор-поп да Глеб, ваш князь, виновны
В том, что недород плодов земных.
Ежели, словене, вы не овны,
Так пойдите и убейте их.

...И епископ кланялся впустую,
Роковые вымолвив слова:
«Кто за Спаса – станьте одесную.
И ошую, аще за волхва».

Горькой волчьей ягодой-крушиной
Раскатилось эхо средь земли:
Только Глеб с княгиней и дружиной
Под благословенье подошли.

И младенец на руках у мамок
Стих, почуя смертную купель.
Варевом усобиц и изнанок
Всплыл – со дна крамол – прокислый хмель.

...С пояса сорвал меч харалужный.
Отроку, не глядя, протянул.
И простоволосый, безоружный
К чародею, за черту, шагнул.

– Ведаешь ли будущее? – Ведаю,
Ибо завтра чудо сотворю!
– Ну а ныне? – Ныне отобедаю
В тереме твоём, куда проследую
Сразу, как с тобой договорю.

– Лжёшь! – плеснула фибула гранёным
Самоцветом, а из-под плаща
Воронёнок в серебре чернёном
Выпорхнул, крылами трепеща.

Клюнул в лоб волхву... Не будет чуда...
И аминь. И мятежу – конец.
Кто-то молвил: – Знать ему откуда,
Что за пазухою топорец?..

И пошла кругами эта слава,
Мол, сразил невежу наповал,
Ибо щучью мудрость Ярослава
Святославов первенец приял.

И приблизились иные дали.
Лихолетье выло на дворе.
Вызревала Калка на Каяле.
Но текла Непрядва на Угре.

.

Поминая Лебедева Глеба,
Ярла, археолога, волхва,
Как велит кладбищенская треба,
Сопрягаю нищие слова.

Глеб любил порассуждать про Глеба,
Про того, кто море измерял,
Воевал Всеслава и нелепо
В Заволочье в западню попал.

Зачерствел на рюмке ломтик хлеба –
Многих тризн расхожий матерьял.

18–23 января 2014

КАРТИНА МАСЛОМ

Сергею Николаеву

Где сойдётся пара крючкотворов
Править прозу жизни или стих,
Там – рекомо! – торжествует норов:
И всегда три мненья на двоих.

Рассуоливают о Майдане,
Или об онегинской строфе,
На личинах, как на том экране,
Мертвечина аутодафе.

Боже правый, ну зачем им лица?
Тот засланец честный, тот истец
В лютой жажде самоутвердиться
И развоплотиться наконец.

7 февраля 2014

6 ФЕВРАЛЯ

**Захарий Серповидец,
Фёдор Стратилат
и Блаженная Ксения Петербургская**

Задрапирован в ситец,
Овчину и онучи,
Захарий Серповидец
Глядит с ближайшей тучи.

В уныньи мало проку,
Но – Господи спаси! –
Библейскому пророку
Невместно на Руси.

Всё рытвины-ухабы.
А боле – ничего.
По всей России бабы
Забыли про него.

Зачем серпы кропили
Крещенскою водой,
Когда былые были
Позаросли бедой?

Где хмель теперь, где солод,
Где просветитель-серб,
С тех пор, как серп и молот
Вошли в бесовский герб?

Грядёт пора весенняя,
Да погребён уклад.
Куда же смотрят Ксения
И Фёдор Стратилат?

6–8 февраля 2014

ЦВЕТОЧНЫЙ ХЛЕБ

*Сан-Санне Черновой, возвращая
ей же сочинённое слово «всесерый».*

*Но тайная жива ещё отрада...
Ходасевич*

Из тех, кто лично знал богиню Мокушь,
последнею крестьянкой на Руси
была моя прабабка Ефросинья.
Отца её, Зиновия, забили
кнутом (за что? за то, что не отдал
её сестру помещику в услужу).
В тот год как раз и Фрося родилась,
и отменили крепостное право.

Знахárка или знáхарка – не суть,
как станешь величать... Про Ефросинью
молва ходила даже в Молокове,
а тут, в Кузнецком, в Павловском, она
за неимением фельдшера была
и фельдшером, и повивальной бабкой
(ну, потому-то Куниной звалась).

Два сына сгинули на двух германских.
Но до деревни немцы не дошли
ни в тот, ни в этот раз. «Как выживали?» –
спросил я маму. Начала с соседей:
«Петро-овы были бо-огатеи. Мо-окушь
сама таскала им в амбары. Мы же
цветы толкли». (Понятно. Тот Петров
работал председателем колхоза.)

Лишь во второе лето фронтовое
открылось, что богиня ни при чём.
В тот день моя *кувыренная* мама
(так звали беженцев Второй Германской)
пошла за васильками. Их сушили
и добавляли в хлеб. От этих самых
цветочных караваев детвора
запорами страдала. Голосили

на сумерках и в той избе, и в этой.
Но вновь цветы толкли. Ведь есть-то надо.
...И встретились на поле две девчушки –
одна с охапкой васильков, другая
(Петрова) с колосками. Заглянули
в глаза друг-друге. И похолодели.
Да так и разбежались навсегда.
И никому ни слова. (Это ж стыдно!)

Тот хлеб всесерый. Даром, что цветочный.
«...Ешь, ешь да не надейся на ебеж», –
так убеждала маму баба Саша,
её другая бабушка. А маме
в 42-м исполнилось двенадцать,
и слов таких она не понимала,
покуда в техникум, на акушерский,
не подала, вернувшись в Ленинград.

9 февраля 2014

РОЖДЕСТВЕНО

Кате, Егору и Мите Сёмочкиным

Над Вырою, над журавлиным Иръем,
Шибая как глоток нашатыря,
Закатным оперением снегирым
Распластана январская заря.

Легко ли той лошадке мохноногой,
Впряжённой в дровни, ёлочку везти,
По целине, что названа дорогой
В краю, где ни дороги, ни пути?

Из тёмного, из зарецкого леса,
Похрумывая снежным сахарком,
Бредёт, не проявляя интереса
К смурному мужичку за облучком.

Подальше от людей и от начальства –
На тот недолгий праздник бытия
По прутикам, расставленным нечасто,
На запах хоть какого-то жилья.

Особый путь: при чём тут птица-тройка
И голый лоб Олегова коня,
От коих на Руси крепчают только
Мороз, маразм да дедова броня,

В стране, где молью траченная вера
Расхитила и души, и слова,
Но конь Рыжко да та лошадка Вербя
Явили нам поклажу Рождества.

10 февраля 2014

ПОСВЯЩЕНИЕ ПЕТРУ АРШАКУНИ

На фоне заводской стены
Предвосхищеньем перепутья
В зелёный шум погружены
Берёз чернеющие прутья.

Не по канонам естества,
По контуру – взгляни да охни! –
Сухая чернь в кислотной охре –
Затравившая мурава.

Бушует зелень молодая
Вальпургиева первая,
А на дворе стоит зима.
...Ну, – думаю – схожу с ума.

Но вспомню: стуже вопреки
Казённой охрою фасада
Столь притягательны для взгляда
Московские особняки.

И петроградскою зимой,
Ну как в каком-нибудь июне,
Деревья наполнял листвой
Завен Петросыч Аршакуни.

На сквозняках нетленных сил,
Как вспоминал В. Д. про это,
Всё это Пришвин окрестил
Февральскою весною света.

Так вот во что мы влюблены –
Ждём, как крестьянин урожая,
Весну травы в стране весны,
С Остоженки не отъезжая.

10–11 февраля 2014

* * *

Дайте Тютчеву стрекóзу...

Там, где спит святая Ксения
В радостной своей печали,
Ни дохода, ни имени
Прадеды не обещали.

Но иное нам завещано:
Телу – посох да суму.
Душу – Богу. Сердце – женщине.
Ну а совесть – никому.

21 февраля 2014

**ВАНЬКА-МОКРЫЙ,
он же бальзамин огородный**

*Вот и лето прошло...
Арсений Тарковский*

По коробкам расфасованы
Да по склянкам трёхлитровым,
За дощатыми заборами,
Под железным под затвором
Спят верхки и корешки,
Лета сладкого божки.

Вместе с ягодой-малиной
В почву канула роса,
Паутинкой журавлиной
Отлетела в небеса.

Озорник, завистник древний,
Туняец и сорняк,
Первый парень на деревне
Не найдёт себя никак.

Не перед кем красоваться,
Стебель доблестный держа,
В одиночку погибаться
Не хватает куража.

Иней теплится на кронах,
Листопал сулит беду
Возле грядок разорённых,
В отлетающем саду,

Где под солнышком осенним,
Распалён не понарошку,
Ванька-Мокрый брызжет семенем
На бульжную дорожку.

23–25 февраля 2014

ПРОГУЛКИ С СИНЯВСКИМ

Ночное небо Фонтене-о-Роз
В блужданиях по окрестностям Парижа.
«Так быть или не быть?.. Ну и вопрос...»
Звезда всё ниже. И ответ всё ближе.

Моргает светофора светлячок.
«И всё бледней огонь его холодный».
Вдыхаем воздух сладкий и свободный,
Не торопясь пуститься наутёк.

И перед тем, как распахнётся бездна
В сиянии расчисленных светил,
Припомни, что Донатыч говорил:
Писателю и умирать полезно.

27–28 марта 2014

* * *

От бытия к отбытию готов...

Олег Хлебников

Бессловесные души собак и котов
В золотой оболочке молчанья
Воспарили поверх растопыренных ртов
И рычания, и величанья.

Ты ответь, свет-Григорий отец Палама,
Утолит ли небесная млечность
Те края, где молчальники сходят с ума,
Всуге закольцевав бесконечность?

Иль молитва твоя воссияет в ночи
На Неве, на Днепре, на Каяле,
Где с три короба ивовых слов рифмачи
Наплели, навязали, намяли.

28 марта 2014

МЕТРОВКА

«...Несущим во гробé – живот-трава!»
Скороговоркой – истово и ловко –
Вышёптывает тайные слова
Матрёна по прозвищу Метровка.

Живот – трава. Так нынешних старух
Старинные старухи научили,
Поскольку о запахах пропал и слух,
А церкву, ту в тридцатые закрыли.

Но чтоб вскипала зелена-трава
Впрок по суглинистому косогорью,
Весенние законы естества
Предписывают кланяться Егорью.

«Чего ты говорила про траву?»
Поджала губы: «Да уж... Где уж... нам уж...
Не вышла ростом – и не взяли замуж.
А вот пока жива, – ещё живу».

28 марта 2014

БАЛЛАДА ОКОВСКОГО ЛЕСА

*Волки, змеи, медведи!..
Брань кривичских баб*

– Товарищ не без ветра в голове:
Знаток чешуекрылых и растений
Учительствует в Дубровках. (В Москве
В тот год шептались: Николаев – гений.)
Вельми учён, язвительно умён,
В деревне сеет Просвещенья семя:
«...В оковском диалекте шесть времён,
Из коих три – продолженное время». –

Не розыгрыш, не дилетантский свист
Задорного какого прощелыги...
Привет, отшельник-компаративист,
Грызущий лингвистические книги!
...Первичный соблюдаем политес,
Истории спрягаем, как глаголы:
«...И встал заступник Новгорода – лес,
Через который не прошли монголы».

«А почему?..» «На карту посмотри:
Зелёнку легла полуподкова
От Полоцка – до самой до Твери,
А от Твери – почти что до Ростова.
Отечества развееянного дым
Приятен ли?.. («Медведи, змеи, волки!»)
Но этот дым надеждою сладим
Вдоль родников Двины, Днепра и Волги.

Оковский лес – расторгнутая связь,
Обрывок шестинитяной завесы.
Здесь русская частушка родилась,
Здесь бабушки уходят в поэтессы.

Оковский – поэтически таковский,
Отсюда Исаковский и Твардовский.
Да, кстати, загляни-ка в ПVL,
Где Нестор наш его запечатлел».

...Мостили гати, ладили мосты.
На всё-то – уповали – милость Божья!
...Теперь здесь зона вечной нищеты
И стратегического бездорожья.
Всех мужиков – на круг две-три души.
И шелестят по бабьим избам вирши
Опавшею листвою оковских «-ши».
«Откуда это -ши?.. » «А так привыкши».

28 – 31 марта 2014

МВ. ПVL – Повесть временных лет.

МВ. Стратегическое бездорожье. — В ранних 80-х лектор в тамошнем клубе разъяснил, почему к Дубровкам нет асфальтовой дороги: «Товарищи, как своим могу вам сказать. Партия и правительство решили объявить ваш район зоной стратегического бездорожья». «Зачем?.. А чтобы враги бомбу на Москву не провезли». И пока народ онемел, ушёл за кулисы, поигрывая «спутником агитатора», то бишь штопором.

ИЗ НИКОЛОЗА БАРАТАШВИЛИ

*Живописцу Нугзару Мгалоблишвили
посвящает этот опыт автор перевода*

Первозданный небосвет,
Синий свет – небесный цвет,
Тот, почти потусторонний,
Полюбил я с юных лет.
Но хотя остыла кровь,
Не простынет та любовь,
И – клянусь! – иного цвета
Я вовек не полюблю.
Он в глазах моих стоит,
И течёт, течёт в зенит
Впрок восторгом напоён
Тот небесный окоём.
В небо взмывшая мечта
Мыслей суетных сильнее.
Вот и манит высота
Породнившегося с нею.
В час кончины не увижу
И слезинки над собой –
Только синь родного неба
Окропит меня росой.
А когда мою могилу
Скроет утренний туман,
Да взойдёт он фимиамом –
Жертвой синим небесам.

1841

[перевёл 16 ноября 2013]

КРАСНАЯ ГОРКА не то чтобы была

И вышел другой конь, огненно-красный...

Откр. 6:4

В пяти верстах от Красногорья...

Пушкин

I

Его сосед, Прокудин-Горский,
На цвет снимал те берега:
Песчаник карстовый ижорский,
Да мельница, да ельник жёсткий,
Да сукровичная река.
– Вот тут жила Баба-Яга. –

Когда б ни эта грань обрыва
Багровая, была б легка
Сферическая перспектива
Тройного диапозитива...
И грозовые облака...
–...Не вздумай показать царю.
Нет, я серьёзно говорю!

Запечатлеть живые краски
Не в силах фотообъектив.
Тут кисточки нужны да краски...
– Езжай, этюдник прихватив!
– Да где ж нарыл ты этот страх?
– За Сиверской. В восьми верстах.–

II

Ну и поехал наудачу.
Сначала раз, потом другой.
А после снял пустую дачу.
(Весь месяц в Питер – ни ногой!)

Когда ж истаяли излишки,
Накрасил в несколько часов
Портрет дворянского мальчишки
На фоне красных берегов:

Высокий лик со взором ясным.
Полуулыбка на устах...

Отец, экс-депутат, был «красным»,
Сидел три месяца в «Крестах».
И вещим пламенем объят
Его иконописный отрок...
А с маменькой случился омрак:
– За что ж это Володю – в ад?
– Еленывановна, он – над!..

Хозяин хохотнул. Смутился.
(Двадцатый век. Десятый год.)
Но с живописцем расплатился,
Как говорится, – от щедрот.

III

Медвежий, кадмиево-рыжий
Загашник северных щедрот
Экологической нишей
Прозаик здешний назовёт.

Вне Палестин и прочих Сирий
Расцвёл ингерманландский Вырий.

Сюда в минувшие года
Весенним днём прохладно-длинным
Тянулись клином журавлиным
Из Петербурга господа.

В реке и хариус, и жерех,
И разнопрочая форель,
А над рекой – Крамской и Рерих,
И передвижников артель.

Не на рессорах и резине
Здесь Ярошенко изучал
Ту местность, что открыл Трезини,
Когда по родине сучал.

Бессмертные на акварели
Не выцветали иммортели,
И цепкий шишкинский зрачок
Проник в кукушкин башмачок.

Но, припадая к бескорыстью
Альваров (каменных лугов),
Никто так и не тронул кистью
Заклятья красных берегов.

IV

От той поры прошло два года.
Художник съехал на юга.
Поживописней та природа,
Покруче прочих берега.

И записал большущий холст
(От пола аж до абажура) –
Каурый коник в полный рост,
Верхом на нём племянник Шура,
Провинции хвалынской цвет,
Крепыш, хотя и не атлет...

Вообразил, как Бенуа
Скартавит Баксту в лад: – Уа!
Хвала коню и человеку,
Что вместе пееходят еку! –

Повёз картину в Петербург
(До вернисажа две недели!)
И на вокзале слышит вдруг:
– Кузьма Сергеич?.. Нужели?

– Владимир Дмитриевич! Вы?..
– А этого не узнаете?
Стал выше на две головы.
И обе, знаете ль, в полёте...–

Едва признал. Худой, как глист,
С лицом надменной знати нашей
Тот самый отрок, гимназист.
Тот самый ангел, только падший.
Ну и стоит вперёд плечом.
Поговорили ни о чём.

И только после, в мастерской,
Когда перебирал бумаги,
Прошибло пополам с тоской:
Вот всадник для твоей коняги!

Но конь не в масть. И масть – не та.
Краплёной оказалась карта.
Пробормотав «начнём со старта»,
Отъял подрамник от холста.

Каурого коня – в огонь.
Сюжет заимствованный – в топку.
...Тот берег – это красный конь.
Писать. А после выпить стопку.

V

Что было дальше? Был успех.
За ним – забвенье на полвека.
И этот красно-красный снег,
На бледном лице человека.

Здесь, как писал один пиит
Про смерть соседа-генерала,
«Энциклопедия молчит,
Как будто крови в рот набрала».

Идём к тому же рубежу,
И, значит, не важны детали.
Откуда знаю?.. Не скажу.
Сороки в Выре нашептали.

Нальём и мы. За хищный взгляд
Не столяра, так живописца,
За тот песчаник, что родился
Полмиллиарда лет назад
И в пушкинской строфе сгодился,
За полку книг, за тихий сад,

За то, чтоб сгнула грызня,
Не возвратилась та история
Купанья красного коня
И Оредежи красногорья.

14 февраля – 19 мая 2014

PS. Снимок «На р. Оредежь близ ст. Сиверская С-Петербургской губернии» сделал Александр Александрович Евдокимов, сотрудник Прокудина-Горского. «Снято при заходящем солнце в июле, в 7 ч. вечера» (Журнал «Фотограф-Любитель», 1906 г., №7).

Факт знакомства Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина и Сергея Михайловича Прокудина-Горского биографам неизвестен. Нет сведений и об их контактах с Владимиром Дмитриевичем и Владимиром Владимировичем Набоковыми.

ИЗ ШЕКСПИРА. КОРОЛЕВА МАБ

...Кто? Повитуха в королевстве фей!
Росточком эта дама не крупней
Агата на печатке ольдермена.
Вдоль по носам любителей поспать
В карете (это должен каждый знать!)
Она к утру проедет непременно!

Ее великолепная карета,
Сработана из скорлупы ореха.
Работали, не покладая губ,
Червь-дровосек да белка Сверлозуб.

Шестёрка скакунов – лихие блошки.
В колёсах спицы – ножки косиножки.
Хомут из голубых лучей луны.
И сбруя из паучьей той слюны.
А кнутовище из кости сверчка.
А балдахин из крыльев мотылька.

Там кучером комарик в серых латах.
Сам – меньше катышка из-под ногтей
Неряхи, но при боевых наградах
И лентах всех магических мастей.

Когда в своём волшебном экипаже
Старуха Маб прокатит по мозгам
Юнцов прыщавых, им приснится даже
Такое, что смутит и взрослых дам.

Просвищет над губами юной девы,
Той поцелуи снятся до зари,
А эта злюка жестом королевы
Рассыплет по лицу её... угри.

Проскачет по коленям царедворца –
Его коснутся милости двора,
Юрист себя увидит в виде солнца,
Которому в суде взойти с утра.

Не прочитаешь ни в каком романе,
Как эта ведьма древняя, со зла
Хвостом свиньи из десятинной дани
Щекочет ноздри алчного осла.

Скользнёт по шее спящего рубаки,
Ему тотчас пригрезятся атаки,
Засады да испанские клинки...
И сам перед собой предстанет перцем,
Который режет глотки иноверцам,
Чтоб выпить у какой-нибудь реки
Заздравный кубок в локоть глубиной.
И вновь услышать барабанный бой.
...В поту проснётся, сотворит молитву,
И снова с головою в сон, как в битву.

Я слышал от проверенных людей:
Она коням косички заплетает,
Постылой ночью колтуны взбивает
На головах стареющих блядей.
И тот несчастней всех людей на свете,
Кто с вечера расчешет космы эти.

О, про неё и не такое ходит:
Она девиц неправильных доводит
До исступленья! Не сестра, не мать,
Их выучит в кровати ублажать
Самих себя, и, лежа на спине,
Проснутся потаскухами оне!
А всё она...

* * *

От черёмухи до сирени –
через край
целый месяц теперь на арене
месяц май.

От свирели
до первой трели –
продолженьем былого сна.
Почему ж лады отсырели?
Потому что война.

6 мая 2014

II.

НЕЖИЛОЙ ФОНД

МОНОЛОГ ЗМЕЯ СО СКАЛЫ МЕДНОГО ВСАДНИКА

(Из поэмы «Пётр Кириллович»)

Сколь упрощённо мыслят эти люди,
Когда идут сюда свергать державу
И с ненавистью смотрят на меня.
Они уверены – все беды в змее,
В том змее, нерастоптанном злодее,
Ну, выбейте меня из-под коня...
И рухнет конь. И гордый всадник рухнет.
Вы сами искромсаете друг друга.
Вам невдомёк, что также, как в скульптуре,
И в государстве есть закон пропорций.
Ах, Фальконет всё это понимал.
И дабы равновесий не нарушить,
Царь только сделал вид, что топчет змея,
А сам – не сам, но лошадью своею –
И в этом государственная мудрость! –
Опёрся не на камень, на меня.
Ну, выбейте меня из-под коня...

Декабрь 1975

* * *

Т. Т.

Пока струились вертикали
Живыми призраками дня
И воздуха перетекали
Между копытами коня,

Картонный и, конечно, волглый,
Проспект, прочерченный углём,
Хотя внизу вонял карболкой, –
Оканчивался кораблём.

И так державно, так по-царски
Сияли буквы Л,Е,Н,И,Н,Г,Р,А,Д.
А выше – огненные цацки
Нетленных, в сущности, громад.

Середина 90-х

РУНЫ ПЕТРОПОЛЮ

Александр Пануце

...И трижды отступился ученик.
И город от него отрёкся дважды.
И сам устами стылыми приник
К источнику неутолимой жажды.

В нечистоте промышленной зимы
Не к небу – к измерению иному
Лиловые и сизые дымы
Летели параллельно окоёму.

Рогатилась звезда. Лучил металл,
Распространяя тёмное свеченье.
И даже Пётр у райских врат не знал,
Последует ли третье отречение.

1996

ХОДАСЕВИЧ

Этот век ему не пара.
Даром, что над мостовой
Встал он на краю бульвара
С непокрытой головой.

Пройдено чистописанье.
Мутная сомкнулась твердь.
Впредь – ловить его дыханье,
Задыхаясь, кашлять впредь.

И в предвестии разлуки
Здесь, на площади Сенной,
Вслед за Блоком комкать руки
Над обугленной строкой.

Ты просей словарь, как просо,
Через сито языка.
Ты вскипай, крутая проза,
В чугунке черновика.

Лето 1980

КАРТотеКА ПУШКИНСКОГО ДОМА

Пристрастье к собственным корням.
А в картотеке свет нерезкий
И строго на учёных дам
Из рамы смотрит Модзалевский.

Расслаиваю букву «Ч»
При электрической свече.

Здесь век прошедший погребён,
В галантном шкафчике спрессован,
По именам перетасован,
Железный, стал бумажным он.

В благоговейной тишине
Идут чины, мундиры, лица,
Тмутаракани, две столицы...
И вдруг – ...зачем всё это мне?

Зачем мне знать, что там, в начале,
Когда не знаю, что в конце?
Не знаю толком об отце,
О маме, и о той печали,
Проплывшей на твоём лице?

1977

ВЫРИЙ

*Вырий – рай древних славян
Выра – село между Лугой
и Петербургом*

Когда над Вырой облака
Удерживал я над тобою,
Не опрокинув их, пока
Не грянули они бедою,
Когда бессилён побороть,
Я продышал всего лишь с ноготь
Зрачок и ледяную плоть,
Рот ободрав, успел потрогать, –
Увидел не тебя, мой свет,
Но краем, самым краем зренья,
Тот край, где почему-то нет
Разъятия и разлученья.

1983

КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ

Ты прохожий, ты несовершенный,
Помощи и радости лишённый,
У часовни Ксении Блаженной
Брось свой грех, ещё не совершённый.

Середина 1990-х

13 ИЮЛЯ 1841

(Из поэмы «Остров на побережье»)

– А я скажу вам: над Россией – рок,
и если так дела пойдут и дальше...
Так вот, мы коротали вечерок
у В., у хлебосольной генеральши.
Рояль, шарады, шутки, лёгкий флирт –
кружили, счастьем своему не веря...
В окне душистый лавр и пряный мирт.
(Не тайная – простецкая вечеря.)
Ведь прямо из окопов. Повезло.
Тут жить да жить, а не курками клацать...
Тринадцатое – чёртово! – число,
и приглашённых (вышло так) тринадцать.
Был Пушкин (Лев Сергеевич), Трубецкой...
Ну, словом, от майора до поэта.
И вдруг такой повеяло тоской,
когда Мишель заговорил про это:
«Пятнадцать лет, а кажется, вчера...»
Сказал и встал, и стал ещё бледнее:
«За убиенных Павла и Петра,
Кондрата, Михаила и Сергея!..
Мартыш, а ты не выпьешь?» «Я не пью
за эту сволочь». Музыка увяла,
и время растянулось, как в бою.
«А этого тебе не будет мало!?!»
Девушки в обморок. Мартынов за кинжал.
А тот насмешливо: «Ты стал большим черкесом!»
«Я сделаю, Мишель, чтоб ты молчал!»
...Он посмотрел впервые с интересом
(вот, как сейчас, я вижу их двоих
и этот взгляд сквозь сумрак омертвельный)
и поклонился, и промолвил стих
евангельский: «Что делаешь, то делай
скорее...»

2000

ГРАДОСТРОИТЕЛЬ

Андрей Петрович Трезин,
чего повесил нос?
Зачем ты нелюбезен
и на пиру тверёз?

Вольно ль тебе на этих
просторных берегах
да в трёхсаженных клетях,
неструганных гробах?

Тепло ль тебе на службе
у батюшки Петра
да в Меншиковой дружбе,
в болоте у костра?

Земля у нас богата
железом и пенькой,
а если брат на брата,
то каждый брат – герой.

А если бунт случится,
и вспучится волна,
и море накренится –
твоя ли в том вина?

Доменико Трезини,
гляди попроще: здесь
в заморском дворянине
всего заметней спесь.

Проныры да придурки
попрыгают в графья –
ногтём по штукатурке
пройдёт твоя графья.

Хотя охрип до тех пор,
покуда не прозрел:
российский архитектор
и бессловесно смел.

Одна беда – нелепость,
противная уму:
ты станешь строить крепость,
а выстроишь тюрьму.

Ты выведешь каналы –
венецианский ряд,
но выберет канавы
светлейший казнокрад.

Ещё не раз закроют
лепниной и землёй,
построенное сроят,
но этот город – твой.

И слава и проклятье
положены Петру,
а ты в голландском платье
незримый на ветру,

дабы в ином колене,
не ведая родства,
с тетрадкой на колене
твой внук слагал слова:

зело небесполезен
среди северных равнин
Андрей Петрович Трезин,
российский гражданин.

1983

КОЗЬЕ БОЛОТО

**у Сытного (некогда Обжорного) рынка.
Здесь 27 июня 1740 года казнены
Волынский, Хрущов и зодчий Еропкин.
В своё время Мережковский
записал три последних стиха плача,
я попытался их дополнить**

Юлию Рыбакову

На Козьем болоте
В казённом намолоте,
У битого жёрнова,
У ряда Обжорного
Горьку ли сладеньку
Сладили свадебку
Мил да милашка –
Топорик да плашка.

ИЗ «АЗБУКИ СПБ»

ФРАНЦУЗСКИЕ СТИХИ СЕРГЕЯ МУРАВЬЁВА-АПОСТОЛА

Земным путём сойти до срока
Мечтательно и одиноко,
Неузнанным при свете дня.
Но там, где небо тьмой одето,
В конце пути по вспышке света
Вы опознаете меня.

КРОНВЕРК

Пора листопада. Потом – листопада,
Полёт пятипалый до самого вала
Туда, где уже переломлен клинок,
Где запах костра и пеньковый венок.

ВОЛКОВО

и поле, и кладбище

Словцо блокадной поговорки

Забористой морозца колкого:

– Как жизнь?

– Да как маршрут «Четвёрки».

По Голодаю – и на Волково.

ПАМЯТИ НАТАЛЬИ КРАНДИЕВСКОЙ

На столе хрустальных два стакана –

Помянуть графиню-ленинградку.

Горяча кишечная нирвана –

Кипяточек с сахарком вприглядку.

* * *

Ольге Павловне Павлюкевич

Лютеранке в православном храме
И перекреститься не грешно.
Питерские кирхи под замками,
Или приспособлены давно.

Но кому-то ж надо и в блокаду
По-немецки Господа просить,
А потом бежать по Ленинграду
Русским буквам правнучку учить.

Затерялась. Соблюла приличья.
Выжила на смертной полосе.
Ни двуличия, ни двуязычья.
Маленькая, выглядит, как все.

Фатер унзер, это не из спеси,
Это из непрожитых веков.
Стены твердокаменных конфессий
Ниже ленинградских облаков.

Ок. 1990

* * *

Социологу Андрею Алексеву

Не город – созревшая полость,
А в тех раздвижных небесах
Гранитная мышца упёрлась
Звезде в раззолоченный пах.

Не город – строка тараканья.
Вот эдак и переведи:
Железо прозябло до камня,
И камень промок до кости.

И архитектура нелепа.
И архитектуры не жаль.
Казённой картонкой совдепа
Предстанет Петрова скрижаль.

Не город, хотя и похоже
Порядком расставленных плит
На город. Не город. Но что же
Так ясно, так стыдно болит?

17 декабря 1988

* * *

Вощёную щеколду опрокинув,
Та осень набухала по садам
Мясистой мимикрией георгинов,
Цветенья уподобивших плодам.

И всё же от заката до заката
В предвестьи всероссийских непогод
Здесь в садоводстве мясокомбината
Как счастливы мы были в этот год,

Как счастливы, уже на самой бровке
В скворечне запотевшей в два окна.
Минутный жемчуг бельевой верёвки
Был вечен, как Китайская стена.

Лето 1989. Большие Ижоры

* * *

Льву Лосеву

Каково скалолазу глядеть в небеса,
Если дрожь его жизни не круче Монблана?
Из незримых расщелин зовут голоса.
Из-под наста гудят горячо и гортанно.

Каково атеисту, когда он один?
А хотя б не один... Только давит зиянье,
Где зеницей сгущается ультрамарин,
Сокращается время и нет расстоянья.

От болезней по младости убережён,
Ан, уже замечает: крепка укоризна.
Вот и прёт на рекорд, на кордон, на рожон,
Эверест, или пик Коммунизма.

Нету гор выше гор... Но и новая рать
Станет песни горланить, сбивая ботинки.
Годовалая Ева пытается яблоко рвать
Прямо с книжной картинки.

1989. Большие Ижоры

10 ФЕВРАЛЯ

Пасхальная облуплена эмаль.
Подслеповатый циферблат острижен.
И только арапчонок на запятках
чернильницы, свой смуглый тычет кукиш
отважно отвернувшейся кликуше
в обтянутые крепом ягодицы,
и нам с тобой моргает: «Nota bene!
А, кстати, стол стоял совсем не здесь!»
Бьёт луч из-за портьеры. «Солнце русской
поэзии... – храмовница в экстазе
совокупляет звуки, – закатилось!
Ап-х-чи!..» И ты смеёшься. Арапчонок
невозмутим, но удовлетворён.
Дымится день. Плывёт дерьмо в Обводном.
Торжественно искрит толчёный мрамор.
Сипит оленинграженный расстрига:
– Одних вертушек сорок тысяч, да-с! –
В Немецкой церкви ангелы слетают
на головы купальщиков. Мышата
кота хоронят позади Сенатской,
и шесть часов до «600 секунд».

20 декабря 1990

* * *

Только пятна жиденького ила.
Желтизна морщинистого дна.
Чёрных этих речек много было.
Все переменили имена.

1996

* * *

В питерском профессорском семействе
Дочери – каникулы в семестре.
Старшая походит на Мурзилку.
Ласково потреплет по затылку.

Ужин в честь столичного актёра
(Бузотёра, вора и невежды).
Младшая посередине спора
Детские свои сощурит вежды.

Старшая... Но стоит ли стараться,
В жизнь чужую проникая вкратце,
Уплывать по тем волнам всё дальше
Под улыбку Даши и Наташи?

Далее – влюблённостью заплатим,
Этой монеткой самой лёгкой,
Но о чём, о ком мы там заплачем,
Поперхнувшись фразою неловкой,

Но зачем сюда мы заходили,
В честь какого кораблекрушенья, –
К Даше и Наташе не имеет
Ровно никакого отношенья.

Ну-те-с... И гуляй, танцуй от печки
Этой вот профессорской, и дальше
По Торжковской улице, вдоль речки
Чёрной-чёрной и под снегом даже.

1984

* * *

М. Яснову, с любовью

И эти пятна по воде,
И кружева речитатива,
И вдаль – пустые, как нигде,
Дремотные ряды залива,
И дождик над Кронштадтом криво
Повисший на одном гвозде –
Вот машинерия Дидло.
Мошенничество на пленере.
Мы побывали на премьере.
Совок трухою занесло.
Помпеям больше повезло.

Дразнить гусей. Кормить собак.
Да совершить ещё оплошку –
Искать на буднях тайный знак.
Водить стволом непонарошку.
И наконец глотать морошку
За честь жены, за просто так...
А надо. Или та, с веслом,
Косою и отбитым носом,
Явившись с клумбы за углом,
Интересуется вопросом –
Нашистом или *демороссом*
Ты будешь в фонде нежилком.

1993

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ЗАВЕНУ АРШАКУНИ

I

Поперхнёшься воздухом пушистым,
оттолкнёшь ладонями окно:
упаси родиться пейзажистом!
Это ремесло обречено,

если вопреки пределу зренья
укрупняет самый крупный план
целый таз вишнёвого варенья,
с кручи опрокинутый в туман.

Надо быть любителем отпетым,
чтобы в простоте возревновать
то, что было воздухом и светом,
словом или цветом называть.

II

Особенно когда зелёного в избытке
над заводью в тени... И тянет, тянет так,
что стоит разогнуть заглотишь этой пытки, –
душа сойдёт с крючка и канет в облаках.

А всё же длится для – запоминанья, что ли? –
купание громов и мальчиковый стыд:
чего он там торчит, как военрук при школе
опережением всего, что предстоит?

Особенно шатры и шпицеры проспекта
в сошествии огня средь рыхлых воздушей –

естественный урон нетронутого лета,
свивание завес из зданий и снастей.

И то, и то, и то, что с мясом выдирает
невесть чего клочок и метит без следа –
дарит исподтишка да втихаря спасает,
особенно когда, особенно когда.

III

Портрет жены художника
в небесно-голубом:
в одном окне Остоженка,
да Лиговка в другом.

Два города, два чайника,
конфетки включены –
портрет любви печальника,
почти и не жены,

а те, которым завидно,
сходили б за него!...

Портрет семьи хозяина
себя не самого,

влекомого, ведомого
по ниточке ножа,
портрет судьбы бездомного
домашнего бомжа.

Портрет жены художника –
почти автопортрет.
Венок из подорожника
сплетён, да не надет.

1981–1989

* * *

В. Н.

Бледный, болотно-озёрный модерн,
Предрасположенность к царству русалью,
Слабый побег от общественных скверн
Века, уже провонявшего сталью.
Даром зачитаны Вертер и Стерн.
Маска безмолвия дышит печалью.

Флора прикинулась фауной. В лад
Гибкие ноги разводит лилея
На штукатурке. И кажется, ад –
Это альковное зелье Бердслея,
Или Бальмонта разбавленный яд,
Но чем хмельней оно, тем холоднее.

Провинциальный закат сквозь окно
Над Петроградской близ моста Тучкова
Тлеет по Шпенглеру. Знать не дано,
Легче ль воды соловецкое слово,
Вправду ли Китеж уходит на дно,
Стеблем кувшинки связав часового?

4 ноября 1990

* * *

Николаю Беляку

В соединеньи неба и дольней вони,
Дельвига и Достоевского супротиву
Жёлтый кристалл Владимирской колокольни
Всё ж преломлял Литейную перспективу.

Запоминай же, покуда и сам не убыл,
Спрятав и это на донце своей кубышки,
В гипсовой раме с видом на пятый угол,
В панцире записном телефонной книжки.

МОРСКАЯ, 47

Александр Марголису

Анаграмма Александра,
А притрёшься рукавом –
Феникс или Саламандра
На жетоне страховом.

Может, Феникс, может, Сирин,
Это ли не всё равно?
Быт размыкан и растырен,
Бытие отменено.

То, что сам железный Феликс,
Бдительный, не доглядел,
Соколиным оком вперясь,
Колупнуть – всего-то дел!

То, что Киров не похерил,
То, что Жданов не дожал...
И кому считать потери,
Если мировой пожар?

И не всё ль равно до сноса
Гнить под номером каким?
В Невке Навуходоносор,
В небе – Осоавиахим.

А глотнув такого духа,
Не подымешься афронт.
В перспективе бляха-муха,
Ленпроект и капремонт.

Для того ли, чтобы Сирина
Продавался на рубли,
Птица Феникс, птица Сирина
Этот дом уберегли?

Этот розовый, который
Лужским пламенем объят.
С банно-прачечной конторой
Здесь живёт Управиздат.

А во тьме, под штукатуркой,
Прижимаются тесней
Саламандра – медной шкуркой,
Чудо-птицы, иже с ней.

Мировой пожар доселе
Только их не опалил.
То ли спички отсырели,
То ли ангел оттрубил.

1989

* * *

Анатолию Собчаку

Господин капитан бомбардирский, косичка торчком,
Только с лошади скок – саданёт о скалу каблучком,
И звездами пойдёт, как стеклянный, тот камень-гранит,
Или глиной обмякнет, но в точности след сохранит.

Восковая слеза помутится на медной щеке.
Узнавай по глазам свою выделку в каждом щенке.
Чудотворец рыгает и блеет: ужю пощажу!
Не на дыбу, так на ассамблею для куражу.

Время плёточкой машет и всё-то стрижёт по низам.
Мимо рта мёд да пиво текут у певца по усам.
И не это беда, что не пьян, но как пьяный опух, –
Ни руки не поднять, ни смахнуть малахитовых мух.

17 декабря 1990

НА СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА

В. В.

Как ты справишься с этой безносой
там, на Пулковской полой горе,
красной вербой да ивой белёсой
восходящей к вечерней заре,

и у самого серого моря,
где асфальтом продолжено дно,
и такое же, как на горе,
небо пеплом соединено

выше мрамора крашенных брёвен,
с Монферрановым куполом вровень,
на крутом перегибе веков,

в ленинградском твоём захолустье,
где младенцев искали в капусте,
хоронили – поверх облаков.

Июль 1991

S.-Pb

*Реставратору Антону Дубашинскому,
возвращая его же наблюдение:
S.-Pb равно S. (sulfur – сера)
плюс Pb. (plumbum – свинец)*

Ну вот нам и открылась наконец
Имперская алхимия латыни:
Сульфур и плюмбум – сера и свинец.
А Парадиза нету и в помине.

1998

РУНЫ БРАТУ НИКИТЕ

*И душа его свободна,
Потому что занята...
Берестов*

Модель островитянина проста.
Стальной реки холодные уста
в начале мая припадают к морю.
Душа свободна, ибо занята.
Уже и для неё пробили зорю.

Мосты разъяты. Дальний, как Восток,
всё призрачней тот берег. Локоток
заезжей дивы, что с того, что близок?
Соблазн читается, но между строк.
Не яблочко – классический огрызок.

Раскачиваясь, что твоя бадья,
из глаз сокрылась юности ладья
и где-то за Кронштадтом затонула.
Внимай, по-детски ужас затая,
словам Сестра, Отечество, Семья –
предвестиям совсем иного гула.

лето 94, В.О.

* * *

Стальной щетиною сверкая...

Пушкин

Законы были справедливы:
Не смей с подноса тырить сливы,
Употреблять паллиативы
И нюниться, когда вольют.
У нас и праздники – что надо:
Вон в мае даже два парада
И всенародная услада –
В зенит исторгнутый салют.

Зато и ценят иностранцы
Народов наших обниманцы,
То темпераментное *оп-па!*,
То с саблями Хачатурян.
Цени, пока мы по гражданке,
А как на площадь влезут танки –
Сожмётся, как селёдки в банке
(Показывают крупный план).

И содрогнутся миллионы
Пред телевизором скоблёной
Стальной щетиной багровея,
Когда с трибуны атташе
Фотографирует ракету.
Чудак, на ней оснастки нету.
А номер с ба-а-льшим намёком:
«Шесть-пять-четыре-три-два-ноль».

июль 1994

* * *

К Велесу за море...

Средневековая чешская поговорка

Ни берега, ни паруса, ни облака,
Солёная пучина, как прореха
Безмолвия – вне времени и облика.
Поскольку в море не бывает эха.

1997

* * *

Море схлынуло. Куда ж ещё нам
плыть, когда ползти не вмоготу?
Жабры рифм топорща учащённо,
обречём себя на немоту.

И заснём, как засыпают рыбы,
как заведено для нас, для рыб:
из-под той, такой текучей глыбы,
сами убежать мы не смогли б.

Та вода – она была опорой.
Ржавая – поила плавники.
И пускай уродец кистепёрый
огласит прибрежные пески.

1997

ИЗ ШЕКСПИРА. ДВА МОНАРХА

I. МОЛИТВА КЛАВДИЯ

Мой грех смердит до самых до небес...
Древнейшее и главное проклятье –
Убийство брата. Не могу молиться.
Хочу, но не могу, хотя желанье
Столь велико, что впору разрыдаться.
Я полон сил. И я ещё не гнусь!..
Я должен жить двойною этой жизнью,
И должен сделать то, что сделать должен.
Но как, скажи!.. Когда б моя рука
Была ещё черней от крови брата,
Неужто б не хватило небесам
Дождя, чтобы омыть её?.. Зачем
Все эти рассказы про милосердьё,
Когда неискупимо преступленьё?..
Молиться?.. Это вот и значит жить
Двойною жизнью – быть предупреждённым
До совершения проступка или
Прощённым, если после помолился.
Вот я молюсь. И что? Мой грех отпущен?..
Допустим, я и правда не могу
Сказать «Прости мне подлое убийство!»,
А почему? А потому, что я
Не властен отказаться от короны,
От королевы да и от себя...
И разве можешь ты простить, когда,
Отринув грех, не можем мы отторгнуть
Его плодов, которые столь сладки...
Ты знаешь сам: в безумном этом мире
Чистейшая душа обречена
Быть втопанной в такую грязь, что лучше

И не глядеть. Закон?.. А что закон?..
С законом мы поделимся, и он
Нас возблагодарит. Он осуждает
Лишь падшего, того, кто проиграл.
Но я ведь победил!.. И что теперь?..
Что остаётся мне?.. Что?.. Покаянье?
Но если нет раскаянья, поможет
Мне покаянье? Боже, я такой,
Каким меня ты сам и сотворил,
Так чья вина?.. Ой, худо, ох, как худо
Глядеться в сердце чёрное, как ночь.
...Доволен? Ты поймал меня? Ликуй!
Ещё одна душа в твоей ловушке.
...Пошли мне ангелов твоих на помощь!
Ещё раз испытай меня!.. Не хочешь?
Тогда я сам... Согнитесь подо мной
Мои колени... Сердце размягчу,
И, может быть, ещё всё обойдётся.
.
Слова возносятся, а помыслы гнетут.
До неба те и эти не дойдут...

II. ПОСЛЕДНИЙ МОНОЛОГ ЛИРА

...Вопите, войте!
Вопите, войте, люди, ибо вы –
Создания не из земли – из камня.
Мне б ваши помыслы, глаза и зубы –
И лопнул бы небесный свод... Ушла...
Она ушла. Её уже не будет...

Ну разве спутаешь живое с мёртвым?
Мертва, как этот камень... Принесите
Мне зеркало, оно ведь не соврёт,

И если затуманилось стекло,
Тогда она жива... Зачем же нет?

Корделия! Как удержать тебя?
На жертвенник, подобный твоему,
Нисходит сам собой огонь небесный,
А тот, что нас сегодня разлучает,
Не молнией прольётся, но потопом,
И, как лисиц, нас выкурит отсюда.
Не плачь! Грядущее прожарит их,
И освежает, и пожрёт их мясо...
Они не в силах нас заставить плакать...
Им, горемыкам, – сдохнуть раньше нас...

Давайте же, тащите нас в тюрьму!
А мы и в клетке будем, точно птицы!
Попросишь ли тебя благословить,
Я на колени упаду и стану
Просить прощенья у тебя. Мы будем
Молиться, петь, рассказывать легенды,
И вместе улыбаться мотылькам
Серебряным, а новости двора
Узнаем от бродяг.

Мы будем с теми
Кто выиграл, а, может, проиграл,
Кому везло, а, может, и не очень,
И словно Соглядатаи Господни,
Проникнем в тайны духов и вещей.
В застенке нас не станут волновать
Земных страстей приливы и отливы –
Всю ветошь сильных мира мы низложим
С себя...

О, нет! Помедли! Задержись!..
Что ты сейчас сказала?.. Голос твой

Всегда был нежен. Я его узнаю
Из тысячи... Ты знаешь, я убил
Того слугу, что удавил тебя...
Предатели, собаки, крысы, жабы –
Живёхоньки... И только ты не дышишь...
Ещё они повесили шута...
Нет, – расстегните пуговицу эту...
Спасибо вам, спасибо, господа!..
Да-да!... Вы это видите? Смотрите
На губы, – да! – на губы! губы! губы!..

КАК БРАЛИ ДЕДА ПАВЛА ЛЕБЕДЕВА

...Из пивной его и забрали.
– Здесь свободно? – подсели двое.
И один сказал: – А нельзя ли
Это вот убрать за собою? –
– На, прикрой газеткой. – Газеткой? –
Осмотрели его с интересом.
Мол, газетку читай с соседкой.
Кстати, номерок-то с процессом.
Тут социализм строить надо,
А такие вот Кирова сгубили... –
Согласился: – Жалко их, гадов,
Поздновато разоблачили. –
– Что, жалеешь врагов народа?..
Ладно, подождём тебя у входа. –
Протрезвел: – Да что вы, ребята?
Всё у вас в порядке с головою?
Я бы сам вас отвёл, куда надо! –
И отвёл. Но их было двое.

1988

ПРОГУЛКА ПО НЕВСКОМУ С ВАЛЕНТИНОМ БЕРЕСТОВЫМ

Такой московский – грузен и небрит,
Вдруг просиял и явно не по теме:
– Вон питерская рифма, – говорит –
Пельмени-Мельпомене.

Ремонт в пельменной. В драме перерыв.
И самозванцем выглядит философ,
Что лирику дидактикой смилив,
Юродствует за-ради парадоксов.

Се хохотун. Неправильный герой
Из детства, из придавленного действия.
Но я-то видел, как при нём иголой
На караул берёт Адмиралтейство.

1990

MON PORTRAIT

(Из французских стихов Пушкина)

Хотите видеть мой портрет,
Написанный с натуры?..
Мой друг, примите сей куплет
Взамен миниатюры.

Сказать по правде, я не стар.
И, не кривя душою,
Не скрою, что ещё школяр,
И что не глуп – не скрою.

Но мир не знал таких вралей,
Ни докторов Сорбонны,
Что неуёмнее моей
Назойливой персоны.

Мой рост... В нём есть один изъян...
Но я не трушу, право,
Ведь я блондин, и я румян,
И голова кудрява.

Ценю я свет и светский шум,
Бегу от всякой скуки,
От праздных ссор, от мрачных дум,
Отчасти от науки.

Люблю балы, люблю балет...
А что всего сильнее...
Могу ли намекнуть?.. О, нет,
Мне не простят в Лицее.

Не тратя времени и сил,
Собою быть стараюсь:

Каким Господь меня слепил,
Таким и притворяюсь.

Проказник сущий, сущий бес
И обезьянья рожа,
К тому ж повеса из повес –
Вот Пушкин. Что, похоже?

1814

ВИТАМИН «С»

Никите Алексеевичу Толстому

Тот век, не дотянувший до седин,
Покончивший с собой братоубийством,
Серебряный, разрозненный, в торгсин
Свезённый на рысях соцреалистом,
На чердаке, в полуподвале мгlistом
Ещё глотал миндаль и керосин.

И я застал его былых бойцов
Рассеянных – туги и худоухи,
Из племени адептов и чтецов,
Надгробьями блокад и голодухи
Два старика да полторы старухи
Хранили жар великих мертвецов.

Здоровая, купеческая кровь...
Бежали пролетарского нагана
И бровь, каких не делают, и брошь
На самом горле. Ветхое сопрано,
Махоркой приперчённая любовь,
А на устах Марина или Анна.

В семидесятых, веку вопреки,
Столь археологически культурны,
Они легко вставали на котурны,
Как некогда на Невке на коньки.
Их речи были вязки и сумбурны.

В отличие от именитых, тех
Из Переделкина да Комарова,
Без всяких притязаний на успех
В янтарь законсервировали слово,
Не повзрослев и не сменивши вех.

И я стучался – чуткий, точно тать.
О, это как чесотка, как проказа –
Истлевшими программками шуршать,
Вкушать вино, незримое для глаза.
Что за сюжет – подробности рассказа?
Я приходил не слушать, а дышать.

Но с невинной миной на лице
Мог объявиться вновь, спустя полгода,
Где чайным ядом витамина «С»
Лимон на блюде высыхал. Погода
Не поменялась. Явная свобода
Зияла крематорием в конце.

И всё, что не добрал при всех своих
Наставниках, и что сквозило в этих,
Полублагих, полубезумных детях
Ясней, чем в современниках твоих, –
Отмерило тебя от сих до сих.
И кануло. И затерялось в нетях.

1991

* * *

Наташе

Всё о чужом да о своём
В подробностях-деталях
С неблизкой женщиной вдвоём
В не слишком дальних далях
Узор страстей перетирать,
Дом содержать, детей рожать.

Но ангел в ситцевом венце
Войдет и бровь насупит,
Когда почти уже в конце
Лицом к лицу – в чужом лице
Твоё лицо проступит.

29–30 мая 2002

ИЗ ШЕКСПИРА. 66 СОНЕТ

Призвал бы избавительницу-смерть:
На что мне миражи земной юдоли
И нищие, которым умереть
В объятиях неправды и неволи,

И по дешёвке скупленная честь,
И девство, что растлили для продажи,
И правдою приправленная лесть,
И сила у бессилия на страже,

Косноязычье недомастерства
Под пристальным приглядом идиота,
И простота, что хуже воровства,
И дух тюрьмы, забавный для кого-то...

Призвал бы смерть, допив бокал до дна,
Но как ты с этим справишься одна?

* * *

Иван-чай, вскипающий по склону,
на закате льнёт к земному лону.

Лучник поцелует тетиву –
лебедь оскользнётся на плаву.

Неужели же и это втуне –
даже и бесстыжие петунии

в ящике зелёном, за окном,
там, где жили-были мы вдвоём.

7 августа – 19 сентября 2008

* * *

М. И.

Перспектива обратного счёта –
10, 9 – сужает круги.
Остаётся работа, работа,
Алкоголь, телевизор, долги.
8, 7, 6 – какое вам дело? –
5, 4 – летейская слизь –
3, 2 – вот и душа отболела –
Раз – и в голос – помедли, продлись!..

7 декабря 2005

ВОСЬМАЯ ЛИНИЯ

Этот город транзитного неба,
Город жирной нагонной воды,
Византийско-казённая треба
Азиатско-немецкой судьбы.

И в метро под ребро – чувство локтя,
И в окне – восковой брадобрей.
И поверх разведённого дёгтя –
Ложка мёда речных фонарей.

5 января 2006

СТАНСЫ К NN

Когда клесты рябину обобьют
Насмешливо, неряшливо, кроваво,
Всё сбудется-устроится – приют
И под простым крестом земная слава.

Ревнитель прошлой дружбы нас простит.
Досмотрим сны, пошитые навыворот:
Там петроградский дождик моросит,
Там рак не свистнет и гарант не выдаст.

Теперь бы позвонить, да недосуг
Жевать ту жвачку, де, державу спёрли.
Когда теснее круг – теснее круг
Затягивается на горле.

Ни ста тебе рублей, ни ста друзей.
«А к вам, мадам, сюда приходят дети?»
Жар-птица (чучело) сдана в музей.
И зябко, как бывает на рассвете.

Когда клесты рябину оклюют,
Когда доской клеёною запахнет,
И тополь (его дворники убьют)
С холста листвою, как гранатой, ахнет.

31 марта – 3 апреля 2006

* * *

М. С. Г.

*На пределе спокойствия нервов
(как обмолвился бывший царь)
собиранье словечек и перлов
пополняет компьютерный ларь.*

И коллекция вящих помарок
слаще самых зачитанных книг:
чем глупей, – тем дороже подарок,
где на ты эпоха и миг.

Чем глупее – ну тем и смешнее,
чем страшней, тем потешней оно,
и просторнее, и солонее
той последней империи дно.

31 марта 2006

* * *

Неправильно, неумело –
А всё же – была ни была! –
Какая-то дудочка пела,
Какая-то тропка вела.

Не веря судьбе-генеральше,
Московской не веря судьбе, –
Всё дальше – подальше, подальше! –
Всё ближе и ближе к тебе.

27 апреля 2006

РИМСКАЯ ПРОГУЛКА

Иосифу Бродскому

Вот эволюция мрамора к штукатурке.
Ливень, проткнувший пинию, треплет пальму.
Дева, столь благосклонная в Ленинбурге,
Вертит хвостом вульгаты и корчит тайну.

За непривычкой к плееру или шприцу,
За неимением цели с концами смыться,
Денег лиловых местных и места в мире,
Станем бренчать на заёмной, но звучной лире.

Скачет старик, под собой подобрал сутану.
Карабинер безнадёжно кадрит путану.
Та только фыркнет, арабскую выгнув шейку.
Выйдешь на форум – нарвёшься на Евтушенку.

Стебли бестий морских, апельсиново мясо.
Мрамор альпийских льдов на имперском блюде.
Тут бы и Державин не удержался,
Ну а пииты поплоше – тоже люди.

Или себя самого отыскать отчаясь,
Сам побредёшь с клюкой по остывшим плитам
Там, где империи перед распадом кончались
Кровопусканьем, а после – радикулитом?

Ловим чего ненасытной своей сетчаткой?
Тени оракулов заперты под брусчаткой.
А за отказ пробавляться кровавой пищей
Дважды скупой заплатит. И трижды нищий.

1992–2014

* * *

Монашествующий в миру,
Как страстотерпец на пиру,
В своём смирении великом
Блазнить не должен постным ликом.

А стихотворствующий тут,
Покорен своему обету,
И перевод сочтёт не в труд,
И как награду примет Лету.

1989

* * *

Здесь небо ползёт на восток,
Здесь жестью блюёт водосток,
Здесь слог виршеписца высок.

Сквозь шёпот «Помедли – продлись!» –
Не скажут тебе: «Оглянись!»
(Куда? В эту мутную слизь?)

Здесь, ежели ты не герой, –
Навалится город-герой,
Придавит свинцовой горой.

А ты говоришь: – Парадиз.
Вот-вот птичка вылетит из... –
И смотришь на нас сверху вниз.

19 сентября 2008

* * *

Вагонные вёрсты.
Погонных бессонниц запас.
И падают звёзды
В последний предутренний раз.

Там что-то цветное
Скатилось конфеткой драже.
А небо такое,
Как будто ты умер уже.

24 апреля 2012
Ночной поезд Петербург – Москва

* * *

А на потом, конечно, – суп с котом,
Бабой Ягой прописанное средство,
И всё навязчивее мысль о том,
Что человечество впадает в детство.

Ещё фортуна скалится хитро,
Ещё сентябрь метелит на бульварах,
Но всё моложе женщины в метро
И старые актёры в фильмах старых.

25 сентября 2012

ИЗ АРТЮРА РЕМБО. ПЬЯНЫЙ КОРАБЛЬ

1

В краю равнинных рек доверившись течению,
Матросов я своих в два счёта растерял:
Для краснокожих ставшие мишенью,
Они уснули меж крикливых скал.

2

Я их не уберёг. И зелен был, и робок.
На волоках закат ополоснул в крови
Фламандское зерно, колониальный хлопок...
И реки приказали мне: плыви!

3

Минувшею зимой, пустой, как мозг младенца,
Под неумолчный вой приливов и ветров
Бежал я, выкинув победное коленце
Вдоль побережий полуостровов.

4

Моё рожденье громы возвестили.
И легче пробки на хребте морей
Плясал я десять суток – без усилий
И глупого догляда фонарей.

5

Нежней аниса на зубах мальчишки
Скрипучую мою скорлупку веселя,
От пятен синих вин и высохшей отрыжки
Волна омыла чрево корабля.

6

Поэмой млечности пролился хаос.
И постигал я из конца в конец
Мерцавшую лазурь, в которой, колыхаясь,
Всплывает зачарованный мертвец.

7

Объятый синевою горчайшего безумья,
Вошедшего в мои медлительные сны,
Пригубил я из кубка перволуныя
Брожение любовной рыжины.

8

Познал я строй небес и меру их глубинам,
Бесстрастье тесных недр, стремнин девятый вал,
Рассветы, вытканые бризом голубиным,
И всё, про что при жизни намечтал.

9

Закат лиловый трепетал над стадом
Валов, твердеющих по вечерам.
Их пурпур был сродни мистическим нарядам,
Дарованным актёрам древних драм.

10

Мне грезились в снегах огней зелёных струны,
Ночной круговорот неслыханных зарниц,
Чей поцелуй раскрыл глаза лагуны
Свеченьем жёлто-синих птиц.

11

Покуда зыбь топтала побережье,
Стадами вепрей, прущих на таран, –
Пятой Пречистой Девы был повержен
И усмирён астматик-Океан,

12

И он открыл мне жгучую Флориду,
Где влажных глаз пантеры лепестки
Сливались с фауной, антропоморфной с виду,
И отраженья радуг так легки.

13

Там повстречал я и такие страны,
Где в тростниках блуждающих болот
Невероятные гниют Левиафаны
На страже адовых ворот.

14

Под перламутровыми ледниками
Вдоль отмелей, замкнувших вход в залив,
Лианы чёрных змей, изъеденных клопами,
Свисали, буревал зловонием обвив.

15

Поющих рыбок золотых я встретил.
(Вот бы порадовалась ребятня!)
Невесть откуда набежавший ветер
Кипеньем лепестков кропил меня.

16

Утомлена своими полюсами,
Пучина из разверстой глубины
Вздымала грудь с лимонными сосцами,
Баюкая меня под стон волны.

17

Слетала белоглазых чаек стая –
Я на себе качал их ругань и помёт.
Подчас мой чуткий сон пересекая,
Утопленник скользил спиной вперёд.

18

В кудрявых гаванях, где вызревают газы
Пьянящих вод, я был самим собой.
Ни бронекатерá, ни парусники Ганзы
Не стронули бы с места остов мой.

19

Объятый фиолетовым туманом,
Дырявя неба вишенную хмурь,
Я приносил поэтам и гурманам
В коросте солнц небесную лазурь.

20

Электровспышкой, рыбою-луною
Испятнанный эскорт морских коньков
Бичом июльских ливней надо мною
Крушил ультрамарины облаков.

21

Внимая воплям Бегемотов гонных
Там, где Мальстрим затягивает сеть,
О европейских гаванях укромных,
Кому ж не приходилось пожалеть?

22

Но, лицезревший звёзд архипелаги,
Мильонный сонм неистовых светил,
Я не предам чернилам и бумаге
Грядущий плеск Золотокрылых Сил.

23

...Нет, не могу. Осточертели зори,
И каждая луна, и солнц полдневных гиль.
Заезженный мотив, мол, только б выйти в море,
Форштевень ободрав или ошкрябав киль... –

24

Довольно, милые. Не наступлю на грабли –
Атлантику отдам за ручеёк,
Где, став на корточки, малыш толкнёт кораблик
Не по течению, а поперёк.

И сам сбежит к своим штормам и бурям...
 В кильватере купца достойно старых дур
 Лечь под пригляд глазниц плавучих тюрем,
 Или надменный флагманский прищур.

1871

[1–17 марта 2011; Вторая редакция 2 апреля 2014]

ПРИМЕЧАНИЯ

В оригинале стихотворение написано силлабическим двенадцатисложником с цезурой посредине строки. Обычно его переводят силлаботоникой – четырехстопным амфибрахием, или шестистопным ямбом. Эта дань традиционной условности, скорее, нумерологической, чем поэтической, в русской версии приводит к унылому однообразию ритмики стиха и расточительному увеличению энтропии.

Силлабика принципиально не сводима к силлаботонике. Даже при формальном равенстве слогов ритмического и интонационного узнавания не происходит. Мнимое сходство оборачивается выхолащиванием содержания, введением в текст избыточной системы ритмических «костылей» и вербальных «затычек», к появлению неестественной переводной интонации, к «немецкому акценту» (цеховой термин С. Я. Маршака).

Предлагаемый перевод сделан разностопным ямбом.

Поясним некоторые реалии кругосветного путешествия Пьяного корабля:

10. Имеется в виду полярное сияние. В подстрочном переводе Нины Аршакуни:

Мне грезилась зелёная ночь со слепящими снегами,
Подобные поцелуям, неспешно поднимающимся к глазам моря,
Движение (брожение, циркуляция) неслыханных соков,
Пробуждение, жёлтое и синее, фосфоресцирующих певцов!

11. В оригинале: «светящиеся стопы Марии». Речь о Деве Марии.

13. Левиафан – в Ветхом Завете огромный морской змей.

18. «Ни бронекатерá, ни парусники Ганзы...» В оригинале «Мониторы и парусники Ганз». Монитор – тип лёгкого речного броненосца. Ганза – Ганзейский средневековый союз балтийских торговых городов.

21. Бегемот – библейский демон. (У Булгакова мы встречаем его в образе кота.) В оригинале «течные Бегемоты», то есть демоны в период брачного сезона.

21. Мальстрим (Мальстрём) – водоворот, образующийся во время отливов и приливов в Норвежском море у северо-западного побережья Норвегии между островами Ферё и Москенесёй (Лофотенский архипелаг). Впервые Мальстрим упомянут в атласе Герарда Меркатора, изданном в XVI веке. Скорость движения воды около 11 км в час. Когда ветер и прилив встречаются лоб в лоб, возникает звук, напоминающий рёв зверя. Этот рёв слышен на несколько миль. Полагали, что именно по этой причине в 1645 году во время шторма на ближайших островах рухнули каменные дома.

22. Концовка строфы в оригинале: «В эти ли бездонные ночи ты спишь или бежишь / Миллионом золотых птиц грядущая Сила?». Речь об окончательной победе над злом.

«Пьяный корабль» Артюра Рембо мотается по просторам мировой литературы уже полтора века. Беда в том, что это стихотворение написано «тёмным» стилем, то есть читатель должен сам разгадать сюжет и перевести его с языка ассоциаций. Тёмным стилем ещё в средневековье писали скальды, трубадуры, автор «Слова о полку» и Низами.

Позже так поступали Шекспир и Мандельштам.

«Тёмная» поэтика трудна для перевода. Особенно, если переводчики игнорируют её законы.

Однако пересказанный прозой сюжет этих стихов семнадцатилетнего французского поэта совсем не сложен:

Индейцы на волоках перебили команду торгового судна, и его вынесло в океан.

Корабль повторил судьбу летучего Голландца. Ему открылись многие чудеса мироздания, но мёртвый горе-капитан понял, что самое большое чудо – ребёнок, пускающий свой кораблик поперёк течения окрестного ручейка.

Выбор поэта – свобода. Не быть узником плавучей тюрьмы, но и не находиться под надменным адмиральским приглядом.

С этих стихов, написанных за тридцать лет до XX века, он и начался.

Поэты становятся свободными раньше своих читателей. Сначала они – а потом уже и мы.

Основательную работу о русских переводах этого стихотворения опубликовал Евгений Витковский. См. главу «У входа в лабиринт (Пьяный корабль)» в его книге «Против энтропии».

III.

ГАРДАРИКА

Памяти археолога Анны Мачиннской

О ЛАДОГЕ

Gardariki (Страна Острогов) – так викинги называли Русь. Основанный в 753 году город Ладога (с 1704 – Старая Ладога) – посёлок в устье Волхова. Это пра-Петербург и, как писал императору в 1809 году археолог Константин Бороздин, – «первая столица Рюрика». Город дал имя Ладожскому озеру. Скандинавы звали Ладогу Альдейгья, а позднее, когда появилась каменная крепость, – Альдейгьуборг.

Альдейгья – серебряная горловина Балтики: через неё шло в Европу ближневосточное серебро. С 770-х на арабском сырье ладожане делали стеклянные бусы, меняли их у финских охотников на меха, меха продавали тем же арабским купцам за дирхемы, а у викингов покупали каролингские мечи.

В конце 830-х (слой пожара) Ладогу оккупируют находники, видимо, свеи, и после их изгнания начинается гражданская война. Чтобы покончить с распрей, в 865/866 году (слой другого пожара) ладожане ищут князя, способного восстановить серебряную торговлю с Европой и дать отпор находникам. Выбор падает на датского герцога Рёрика. В Дорестаде Рёрик печатал серебряную монету для сыновей Карла Великого. А ещё он два года правил у западных славян-ободритов (видимо, по матери он и впрямь был внуком ильменского вождя Гостомысла).

С Олегова щита на царьградских вратах начинается европейская геральдика. Личное имя Хельг ('Священный') не встречается у шведской династии Инглингов, и полагают, что Олег – из датских Скьельдунгов. Скьельдом звали одного из сыновей бога Одина. Но по народной этимологии скандинавов скьельд – 'щит'. То есть Олегов щит – не только знак победы и защиты, но и родовое имя князя.

По первому договору с греками русские гости должны были селиться у монастыря святого Маманта. И в день

этого мученика 2 сентября 912 года Олег подписывает в Киеве черновик второго договора. Но клянётся уже не Перуном и Волосом (Велесом), а «предлежащим честным крестом и святою единосущною Троицей». Олег крестился и собирается крестить Русь. (На тот же год крещения в Константинополе руси указывает и араб Ал-Марвази.) По Новгородским и Устюжским летописям князь гибнет в Ладогe от укуса змеи. Там на капище лежал череп его коня, и Олегу надо пересилить прорицание волхвов, прозвучавшее в год смерти Рюрика, доказать руси, что греческий Бог сильнее Велеса и Перуна. Волхвы, неосторожно предупреждённые самим Олегом («...Да придя в Киев, побую волхвов!..»), мешкать не стали. Впрочем, их конфликт с князем начался, как повествует греческий хронист, ещё под стенами Царьграда. Мол, заключишь договор – погибнешь. Так и вышло.

В Нижнем Поволховье (Ормаланд – Змеиная страна) у Олега не оказалось под рукой того небесного копья, каким Перун ежегодно 6 (19) августа побеждает змея Велеса. Но смерти Олега предшествовало появление на небе кометы Галлея, которая в середине лета 912 года висела, как утверждают летописцы, «копейным образом». Вероятно, поэтому средневековые скандинавские сказители, повествуя о Вещем Олеге, дают ему имя Орвар Одд (Наконец-ник Стрелы).

Олегова могила – огромная сопка на волховском обрыве – сохранилась до наших дней. В пушкинское время её частично раскопал Зориан Доленга Ходаковский. Но нашёл лишь золу, угольки да гигантский двушипный дротик.

БОНАДИЕС

(из Варяг в Ромеи)

О. С.

Едва зацветает стена крепостная,
из тьмы изумрудной – смотри:
шевельнулась,
распалась! – слетает беспёрая стая.
...Куда подевалась?

Какие там ласточки? Яростней, ярче.
Фисташковым сором лексемных чешуек.
Бесплотной, но жадной пыльцою. Цитатой
античности в средневековой постройке,
скачком ритмии.

Ну вот всё и кончилось. «Бонадиес!»
Играет прибой сувенирной латынью.
В Амальфи к апостолу францисканец
над бездной бредёт, озираясь ушами.
Помстилось... Но что?..
Приключилось... Но что же?..

А толстые девочки на два прихлопа
поют аллилуйю. И дремлет апостол.

И милостиво Средиземное море.
Особенно в мае.

18 мая 1992. Равелло

ОБЛОМОК ГЕКСАМЕТРА

Богиня, вспомни, как взревел Ахилл, дитя Пелея,
Воспой его священный гнев, ахёян ввергший в ужас,
Когда низринул он в Аид героев многославных,
А их тела простёр на пир псам и окрестным птицам,
И тем Зевéса ублажил, его покорен воле...

4 мая 2008

* * *

На Васильевский остров, знакомый до слёз...

Обласкан и поставлен на довольствие
В Десятой линии близ торжища и храма,
Меж динамитной мастерской народовольца
И чёрной лестницей опальной Мандельштама.
Какая разница – на кочке ли, в трясине,
Лечь под каблук очередной посадской Марфы
На этих линиях, натянутых Трезини
Небрежно-наискось на остров – остов арфы?
Сюда приписан. Лишь затем свободен.
По шляпку вбит. Прикрыт брандмауэра шубой.
И улыбается в ветвях варяжский Один
Своей языческой улыбочкой безгубой.

1994

* * *

Д. С. Л.

Когда на волховских низинах
Прошелестит и ткнётся в бок
Стрела на крыльях стрекозиных,
Как между рёбер, между строк,

И сапожком примяв полову,
Самой судьбы не убоясь,
Сухую кость, главу конёву,
Облобызать захочет князь,

И позже, позже, в Петербурге,
Тысячелетие спустя, –
Чего ты медлишь, храбрый Гюрги,
Невозмутимое дитя?

Или слова твои лукавы,
Неблагодатна благодать,
И с пояска у Елисавы
Твой змей сумел-таки сбежать,

Или копьё язвящей речи
Двушипным жалом заменя,
И ты в рутине долгой сечи
Обвык в объятиях огня?

1995

**АКРОСТИХ КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА,
сочинённый им для глаголицы,
первой славянской азбуки.
Год 863**

**Аз, Буквы изВедав,
Глаголю: Добро Есть.
Живёте Село Земным,
Иже да Иже
Как-то, Люди, Мыслите
Наш Онный Покой?..
Реки Слово Твёрдо.
Укажут возле сФер-то Херувимы,
в Печали ѠтеЦ или Червь.**

ЛВ. Буква Печаль (в кириллическом и глаголическом написании) не так давно была обнаружена в Мюнхенском алфавитари X века. См.: <http://nestoriana.wordpress.com/2012/10/11/abc/>

ЗАМОРСКИЕ ГОСТИ

Леонтию Войтовичу

Куда ни устремляешь очи –
Ни огонька по берегам.
Лишь кровенеют тут и там
Сорочьи ягоды да волчьи.

Клубится варево ночей
То серое, то смоляное,
И солнце вязкое, стальное –
Бледней, чем даже блеск мечей.

Тебе давно за пятьдесят.
На почве датской в Дорестадте
Ты, что твой Гамлет, был некстати.
Не спятил?.. Сам и виноват.

Сойди на берег. Оглядишь.
Здесь крепостцу на славу срубишь,
Аборигенку приголубишь
И сына сделаешь надысь.

Найдёшь в потомстве торжество.
Таких как ты не время лечит.
Перелиняет старый кречет,
И крепче когти у него.

Поспела ягода крушина –
И жжёт язык, и вяжет рот.
И остаётся наперёд
Испить из фризского кувшина.

27 июля 2008

РУНЫ СТАРОЙ ЛАДОГИ. ГОД 865

Это Один – яростный воитель.
Рвётся на ловитву ястреб Хрима.
Скорбный путь мужей в низине Змея
Плуг побед волшбой перепахал.

Руническая надпись на деревянном стержне (строительном локте), оставленном в груде строительной щепы пришедшими на пепелище дружинниками Рёрика. Найдена на Земляном городище в 1950 г. Подробнее см. в комментариях к новому изданию Повести временных лет: <http://nestoriana.wordpress.com/2012/09/06/pvl-publication/>

ВИКИНГ

Глебу Лебедеву

На вёслах, под парусом – как повезёт! –
От гарда до гарда дневной переход.
То дебрь, то чащоба.
Поглядывай в оба.

Поглядывай в оба – здесь страшен не враг,
Но свой же, такой же находник-варяг.
В кольчужках сидят попрошайки
На каждой лужайке по шайке.

Словене и финны, и прочая рвань,
Послушные, платят подымную дань.
Где люди боятся крамолы,
Там страх стерегут частоколы.

Здесь сами себя обращают в рабов.
Здесь даже на ложе не кажут зубов.
Здесь меч, несмотря на увечья,
Не стал продолжением предплечья.

От имени Рода вещают волхвы,
А мы вдоль по Ильмерю ходим на вы.
Воителю слава – услада
От гарда до гарда.

1996

ЖРЕБИЙ ДЛЯ ОЛЬГИ

В. Н.

Вынется – сбудется. Всякая виса двулица.
Как повернётся вишнёвый в бадье черенок?
Так поглядеть – слетает с гнезда соколица.
Эдак – лазоревый млеет под солнцем цветок.

Пальцы твои выбирали жребий полегче.
Я это ведал, рисунок плетя с двух сторон.
Птица – не птица: вендельский шлем да оплечье.
Ну и цветок не цветок – царьградский грифон.

Ты не хотела за князя. Пришлось повозиться
Свату неловкого Игоря. Не голоси.
Пряслица меньше твой жребий, тоньше мизинца.
Станешь забрала и прясла держать на Руси.

Свычаем мужнин смиряя норов жеребий,
В кротости властвуй. У злобы короток век.
И позабудь, что обманом недевичий жребий
Вынуть принудил тебя конунг Олег.

1997

ОЛЕГОВА ВИСА

*Росы получили своё имя от некоего
могущественного роса,
когда им удалось избежать
предсказанного их оракулами.
Произошло это благодаря какому-то
предостережению
или божественному озарению того,
кто господствовал над ними...*

*Хроника Псевдо-Симеона,
последняя треть X века.*

Деревянные бусы моих крепостей
Напронизку – не ради арабских гостей,
Не во имя наследного дарства
Собирал я на шнур государства.

Я мечом приносил не пощаду, но мир.
Где Аскольд-самозванец и брат его Дир?
Ан, чернявые ладят девчата
Русам парусы паволочаты.

На святого Маманта вошедший в купель,
Не Олегом – Димитрием выйду оттель,
И пригублю медовую в Гардах бадью,
И солгавших волхвов, как волков, перебью.

Только прежде – во славу Честного креста
Поцелую коня в костяные уста.

1996–2008

АМУЛЕТ

Е. Р-ой

Прозрачна ночь, хотя и окаянна.
По сопкам спят сигнальные дымы.
Глядит с улыбкою вещунья Несмеяна
Альдейгьюборга ладожные сны,

Но как в курган воткнётся ночи ножик,
Росой студёной отрясая сонь,
Серебряный конёк-единорожек
Толкнётся в твою утлюю ладонь.

1997

* * *

Допустим, среди дня...

Ал. Ар.

Запахали плешину, поставили сруб,
Отпустили коняжек на выгул.
И на много веков насорил Грызозуб
Золотыми скорлупками фибул.

Вот на этой реке, вот на этом ветру,
В этой провинциальной вселенной,
Ты очнёшься однажды, глотнув поутру
Этот воздух, полынный и тленный.

И не надо про то, что жесток и нелеп...
И другое, другое, другое...
Дотянулся – и вот они Анна, и Глеб,
И отец, и Татьяна, и Зоя...

12 июня 1998 – 25 июня 2008

ПРОРИЦАНИЕ ОРВАРУ ОДДУ

М. В.

Не ворону битвы, не даже двушипной змее, –
Достанешься в Заморье, вещей, Хозяину брода.
На Млечной реке по еловой взойдёт кисее
Копейное знаменье конунга Орвара Одда.

Ладьи на колёсах – я вижу – идут на Царьград.
Я слышу кряхтенье руси, подпирающей днища.
– Се Дмитрий Солунский! – враги про тебя говорят.
Но примешь ты яд. И отравлена будет не пища.

Четыре хвоста у кометы, четыре крыла.
Невенчаный лоб ненаследной лоснится короной.
Но дивная мета в алмазах – в полнеба стрела,
На что тебе, князь, если кружишь дозорной вороной

На собственной тризне. Роскошная сага соврёт.
Забудется имя. Калёное жало возложат
На хладное лоно. Ты – Одд. Ибо всё наперёд
Открыто тебе. Но тебе это вряд ли поможет.

Ты – бред геральдиста, эскиз на кабаньем ребре,
Ты сторож излуки, смотрящий из-под небосклона
На храм византийский, что встанет на том вот бугре,
На мальчика, что без копья одолеет дракона.

Тебе суждено умереть от коня своего.
Отдай его Велесу, но через тридцать три лета,
Как станешь стареть, если глянешь в глазницы его
И выдержишь взгляд – пересилишь пророчество это.

1996

МАЛЫШЕВА ГОРА

*...призва Олег волхвы своя и рече им:
«Скажите ми, что смерть моя?»
Они же реша: «Смерть твоя
от любимого твоего коня».
И повеле отрокам своим,
да изведше его далече в поле,
и отсекут главу его, а самого
повергнут зверям земным
и птицам небесным.*

Архангелогородский летописец

Вот и повод меня повести в поводу
Конунгу на беду
На Морьящину
К богу Ящеру.

Тридцать лет и три года в его табунах
Мне скитаться без продыха в лунных волнах.
Пребывая у Велеса в лапище,
Дождик выбелит череп на капище.

А когда в валунах зашумят зелены,
Живородную змейку опустят в меня –
Чтобы ластились небыли к былям,
Вскормят юркую млеко кобыльим.

1997

ИЗ ЭЙОЛЬВА ДАДАСКАЛЬДА

Шёл копейной бури против,
Меч и пламя разметали
Вальдемаровы владенья.
Буря помешала.

Он убил людей Альдейгы –
Нам не ровня эти смерды,
Но была тяжёлой битва
На рассвете в Гардах.

Виса из поэмы «Bandadrapa» (ок. 1010 г.) в честь ярла Эйрика, взявшего Альдейгыю в 997 году. Первое письменное упоминание о Ладогe. Вальдемар – Владимир Святославич Красное Солнышко.

ТРИ ТЕКСТА БОЯНА

1. О СВЯТОСЛАВЕ ИГОРЕВИЧЕ

(Цитата в Повести временных лет)

Как гепард легко ходил.
Войны многие творил.
А возов за собой не возил.
Но потонку нарезав конину,
бычатину или зверину,
на уголья поставил,
а шатра не ставил.
Но расстелет подклад –
и седло головах.

2. ЛИСТВЕНСКАЯ БИТВА

**Ярослава Мудрого
и Мстислава Тмутараканского.
Год 1024**

...И ночь была, и тьма была.
Молния. И гром. И Дождь.
И сеча была страшна.
Как посветит молния –
полыхнёт оружие.
Была гроза огромна
и сеча сильна и страшна.

3. БОЯНОВА ВИСА

Загадка из-под купола колокольни Новгородской Софии

Великан, железный лоб,
каменные груди,
голова из меди,
челюсти из липы,
чрево золотое –
вот тебе дани Бояновы.

К «Бояновой висе». Обоснование такого прочтения см. в моей книге «Хроники изнаночного времени» (с. 295). Электронный вариант: <http://chernov-trezin.narod.ru/Hroniki.pdf>

Уточню только, что авторская сфрагида в последней строке, частично затёртой и переделанной ещё в средневековье в слово «ахидна» (ехидна), содержит рифму. Но не «Се Бояне дане», как я читал ранее, а «Се Бояни дани». (Последнее «И» правщиком переделано в две другие буквы «ЕВ», которыми продолжена позднейшая приписка.)

Итак, Великан – сама София. Железный лоб – колокол (нынешняя «лестничная башня», сохранившая Боянову загадку, некогда была колокольней). Каменные груди – абсиды. Голова из меди – центральный купол (позднее позолоченный). Липовая челюсть – крыльцо паперти. Золотое чрево – убранство интерьера.

По этому же принципу построена фольклорная загадка о мельнице. См. статью «Колпь» в Словаре Даля.

ИЗ ОЛАВА СВЯТОГО. 1029 ГОД

В Хордаланде круглый год
Липа зеленела,
И дружины ярлов
Ею любовались.

Но желты у Фрейи слёзы,
И пожухнет липа:
У неё теперь земля
Зá морем, в Гардах!..

Виса посвящена невесте Олава принцессе Ингигерд, вышедшей замуж отнюдь не за него, а за конунга Гардарики хромого Ярицлейва (Ярослава Мудрого)

ПОСЛЕДНИЙ СКАЛЬД

Он пал под Хольмгардом...

Руническая надпись

Эти сопки под вещим копытом,
этот тягостный вой по убитым,
эта в пенной кольчужнице гладь,
эта вёльва – жена или мать,
этот торг за дремучим дрекольем,
эта спешка под мехом собольим,
это кунье смешенье племён,
эта неженка, что я влюблён.
В синеглиньи – богам на заметку –
эти луны ценою в монетку:
захотел пребывать во плоти –
прикопай, прикопи, приплати.
Но и ты, приручившая скальда,
своего не узнаешь Харальда.
Так на кой мне твои янтари,
Валгáлла меня побери.

1996

МЕСТЬ ОЛЬГИ

Татьяне Рябининой

Четвёртый день волнуются концы,
Перетирая весточки вчерашни,
До света новгородские купцы
Шептались с княжичем в Тайничной башне,

Волхвы кидали в Волхов «нечет-чёт»,
Смущая гридней тёмными речами:
Княгиня на Купалу сватов ждёт.
Зарезан Игорь, аки волк в овчарне.

Чернее тучи юный Святослав.
Всё на людей без повода ярится.
Болтают, Ольга, сына отослав,
Сама не смеет в Ладогу явиться.

И лишь Олегов конюх Крутояр
По-ладожански цыкнет на бояр.
И плюнет. И полезет на полати.
Ещё не время рати собирати.

1996

УРОЧИЩЕ ПЛАКУН

Н. М.

Тишина над Волховом обвисла
Пеленой туманов и снастей.
Это замышленье Гостомысла
Намывает в Ладогу гостей.

Ливень брызнет молнии короче,
Но всю ночь и многие века
На песочек Одиновы очи
Станет выполаскивать река.

Русской беллетристики инвестор,
Чуя древность и являя вкус,
Увезёт замороженный Нестор
Глазчатую жменю этих бус.

Чьё трепещет в парусе рыданье?
Кто волной играет в «нечет-чет»?
Как вода во облацех преданье:
Тронешь – и она не потечёт.

1997

СТАНСЫ АЛЬДЕЙГИИ

Марку Коляде

Каменное прясло на приспе.
Полумрак воротной башни.
Закомары в ледяной крупе
По-музейному позавчерашни.
Подлинник не то чтоб надоел,
Но у дел покуда новодел.

Всё равно – шепчи или кричи,
Розово-бесстыжи над раскопом
Силикатной пробы кирпичи
Кажут гузно всем твоим европам,
И надёжно замыкает взгляд
Алюминиевый комбинат.

Как сказал один тут: на фига
Красота, когда повсюду янки?
Дожуём последнего сига,
Сцеживая «хольстен» из жестянки.
Только былые шмонает ветр.
Здесь теперь 101-й километр.

Некогда великая страна
Ты беззубо поджимаешь губы.
В церкви серебрится бузина.
Киснут и ползут сырые срубы.
И Пилат с Вараввой заодно
Крутят колумбийское кино.

Вот и Рюрик дуриком забрёл
Из своей Ютландии. Чего там
Наплели послы про злат-престол?
Восседали б сами по болотам...
Господи, помилуй и спаси
Первую любовь Всея Руси.

В немощи покинутая мать
Первых градов – Китежа и Киева,
Ладога, зачем мне поминать
Вервие твоё и время Виево?
Тесноту двенадцати веков,
Москвичей, потом большевиков...

Битой сукой, жмущейся к ноге,
Вскормишь снадобьем своей же печени
Прясла на яйце и твороге
Да культурный слой на человечине.
Ни принять, ни тронуть не могу.
А не пожелаю и врагу.

1996

АХМАТОВА ГОРА

Как о стену горох...

I

Не горка, не полгорка – останец.
Невнятное заклятие нетленьем,
И россыпью приплющенный свинец
Ружейным испражнением оленьим,
И в спину путнику исподтишка
Умело мечет вечности осколки
Кривая мудрость свейского божка,
Распявшего себя на чёрной ёлке.

II

Мировое древо надломилось
И навстречу реки потекли
Там, где мудрость заменяла милость,
Там, где русов русью нарекли,
Где при всём варяжестве несвободен,
Отойдя от селища с версту,
Подвигом своим угрюмый Один
Подражать пытается Христу.

1997

* * *

Евгению Рябинину

Двенадцати веков вороньи ризы,
Черты и резы Ноевых колен.
Норманны, фряги, русы, финны, фризы,
Базар хазар на торжищах словен, –

Се Вавилон отеческих глаголов,
До всяких там из тартара монголов
Находник свей, негодник печенег.
Студёный пепел – воспалённый снег.

Вот, собственно, где выпало родиться
И выпадет – как пить дать! – почвой лечь,
Перемешав золу, и кровь, и речь
Полой кургана, как плащом укрыться,

Зелёным, рыхлым, волховским плащом.
И Гоголя шинель тут ни при чём.

1996

СТАНСЫ ГАРДАРИКЕ

Дмитрию Мачинскому

Чтоб на куньих мехах с боку на бок
Вы своих ублажали арабок,
Мы заутро уходим в Алаборг,
Хоть и хмель не обсох на усах.
Плещет бисер в тугих туссах.

У норманна полдюжины родин,
Но не сдюжит в Гардарике Один,
Видишь путь – ну почти что свободен
От Велеши до самых Перынь.
Поостынь.

Как прожить веселей и обильней,
Не решить вечерой говорильней,
Обустроились стекловарильней,
Бабьей радости хватит на всех.
Мех за бисер. Монету на мех.

В небесах то дирхем, то динарий,
А в лесах предостаточно тварей,
И купцы из обеих Болгарий
Звонко платят разменной луной,
Исходя серебром, как слюной.

Пусть находник дощатым драккаром,
Как драконом взовьётся пожаром,
В этих стенах и камень недаром.
С них на доблесть твою наплевать.
Хочешь драться – умей торговать.

Загребай веселее налево,
Улыбайся хольмгардская дева,
Поторгуйся без спешки и гнева,
Полотно подпирая сосцом.
Не побрезгуй словенским самцом
На побережии озера Нево.

1996

ЕЛИСАВА И ЗМЕЙ

Я только эхо в провалах глаз...

Елена Романова

I

Лет через тыщу брести у реки,
Вывозив голени в иле,
Там, где мальчишки искали «глазки»
И летописца дивили,

Там, где и ныне, смущая народ,
Слева направо
Чудище на поясочке ведёт
Девица Елисава.

Сладок вечерней размолвки медок.
Тронешь – под куколем свянешь.
– Слышь, Елисавушка, брось поводок,
Змейкой серебряной станешь.

Станешь хозяйкой последнего дня,
Сродницей первопричины,
Девственным эхом в глазницах коня
В черепе с чёрной Князины.

– Ишь, расшипелся, рогатенький мой!..
Аль помирать неохота?
И, как домашней скотинке «Домой!»
Дланью – пожалте в ворота!

II

*Тогда всё золото своё
Я замурую в глину...*

Валерий Петренко

Что нам сегодня намает река
Вместо условленной встречи?
Лёгкое гру́зило рыбака?
Ядрышко свейской картечи?

Заклёпку драккара? Осколок «глазка»?
Баночку из-под колы?
В толще столетий под толщей песка
Множатся времени сколы.

Рожками крутит расстриженный бог:
Вот тебе Рубиков кубик.
Рюриков кубок на тризне эпох.
Ссохшийся Рерихов тюбик.

1996

РУНЫ СЫНУ

Где времена свивались плетью,
Где две реки впадали в третью,
Где властвовала Ингигерд,
Где был свободен даже смерд,

Где Фрея тише, чем рабыня,
Где славно погулял Добрыня,
Где сочинили сгоряча
Обряд крещения меча,

Сказав «Не в силе Бог, а в правде»,
И где на фреске Бога ради
Негромким словом усмирён
Козлёночком глядит дракон

Алёнушкин, – в Альдейгьюборге
На Городище Земляном
Мои печали и восторги
Запей, каким пошлют, вином
В тысячелетии ином.

1997

ВЕРХНЯЯ РЕКА

О. Х.

А когда наступила расплата
За последнюю склянку чернил,
Мерный ангел живого квадрата
Сверху пёрышко уронил.

И пока оно в руку летело
Легче снега и снегом легло,
Что-то важное отболело,
Вместе с вешней водой изошло.

Только вечность нам вехи назначит
И глаза промокнёт рукавом,
И над чёрным квадратом заплачет
Мерный ангел в квадрате живом,

В недосыпе двуспальной могилы
Загорится звезда в потолке,
Собирая посмертные силы,
Мы потянемся к Верхней реке,

Где гоня ненасытную гостью
За черту на последний правёж,
Мерный ангел с серебряной тростью
Стержёт изначальный чертёж.

1997

ЛУБЯНАЯ СКОМОРОШИНА

**Раскопанная Рябининым на Земляном городище
ладожская кожевенная мастерская заканчивается
двумя стоптанными лапотками времён Ивана III.
Оккупант переобулся в мастерской, и её не стало.**

Московиты – люди башковиты.
У них пятки берестой подбиты.
Мы сапожки вам дадим за лапти,
Только Новгорода не залапьте!

1997

НА ЛЮБШЕ

А. В. и В. А. Дыбо

Ладожского Средиземноморья
Снежный шелест в небе нежилом,
Где угожья Храброго Егорья
Вéлесовым вспаханы хвостом.
Наши музы – Альки и Наталки,
Наши кипарисы – ёлки-палки.
Вместо мрамора – разрыв-трава.
Вместо Парки – сонная сова.

Над водою мёртвого колодца,
Что бы ни случилось на веку,
Погадаем, сколько отольётся.
Лыком в стрóку каждое ку-ку.
Се цивилизация по-русски:
Вон из дома, точно из кутузки.
Не оседло жить, не кочево –
Втянешься, и вроде ничего.

И отсюда, не поняв границы,
Мы брели полмиллиона дней
За хвостом куницы и жар-птицы,
За звездой постылою своей.
А запахло Промыслом Господним,
И пришли к себе в одном исподнем.
Ну, не получилось. Бог упас.
Если можете, простите нас.

Декабрь 2000 – январь 2001

СЕВЕРЯК

Пришедшу ми въ Ладогу, поведоша ми ладожане, яко сде есть: егда будеть туча велика, находять дети наши глазкы стекляныи и малыи, и великыи, провертаны, а другыя подле Волховъ берутъ, еже выполоскываеть вода. Отъ нихъ же възяхъ боле ста, суть же различь.

Нестор. 1114 год

...Глядючи в небо, дракона сразит.

Владимир Леонович

Последнею весной тысячелетья,
Опасно ранней, ненасытно долгой,
Наполненной серебряным урчаньем
За Ладогу отползших ледников,
В начале мая около полудня
Пришёл ко мне паромщик Коля Кузин,
Принёс в кармане бусину, стекляшку,
Подобранную им у переправы,
И долго мялся, и пыхтел по-детски.

Мне не хотелось пить. Не то, чтоб с Колей,
А просто не хотелось. Я сказал,
Что я в завязке. Он ушёл, находка
В развёрнутой тряпице, как в пелёнке,
Так и осталась на столе – укором
Или подарком. Кто их разберёт,
Потомков викингов да здешней чуди?
Я положил стекляшку на ладонь.
Сквозь патину просвечивала вечность.

Я вышел вслед паромщику на Волхов.
От Новой Ладоги дул северяк.
Река была сиреневой, а небо
Двойным, прозрачным. Я зашёл в музей,

Взял ключ от храма, и уже у двери
Услышал вой зверья и птичье пенье.
Гремел орган... Откуда там орган?
Подростки?.. Бред какой-то... Я не сразу
Попал ключом в замок. И всё затихло.

Всё было, как всегда. Святой Георгий,
Щитом прикрывшись, ехал без копья
С оранжевым флажком и знал, что зло
Непобедимо сталью. Под конём
Желтела сопка вещего Олега,
И Велеса-дракона от реки
Вела на поясочке Елисава.
Но тут опять завыло и запело.
И стало ясно: это просто ветер.

И стало пусто, будто бы вот так
Лишили не иллюзии, а смысла
Настолько, что и в кулаке моём –
Не аленький цветочек, привезённый
Из жарких стран – индийских ли, персидских,
Не тот гранат из чёток пилигрима,
Змеевиком процветший изнутри,
А зёрнышко граната из сельпо,
Забрызганное прозеленью тлена.

Но если так – тогда, ответь, зачем
И Ладога, и перевозчик Коля,
И сын его, которого забрал
На переправе ненасытный Велес?
И зёрнышко оброненное это?
И, может быть, мне только показалось,
Что в миг, когда рыдали оба хора,
Георгий отделился от стены,
Возликовав непоновлённым ликом?

6–17 мая 2000

ПЛАЧ И ПОБЕГ

(Из «Слова о полку Игореве»)

Это голос Ярославны,
достигая Дуная,
зегзицею незнаемой
взывает, стеная:

– По Дунаю поутру́ иволгою полечу
омочу в реке Каяле белый шёлковый рукав,
княжьи жаркие раны сама оботру
на теле его болезном!

Ярославна рано-пóутру стенает,
на путивльской стене причитает:

– О Ветер-Ветрило, зачем, господин,
вешь против дружин лады милого?
Зачем ты несёшь поганые стрелы
на лёгких своих крылах?
Разве мало тебе было
в вышине под облаками веять,
корабли на сине-море лелеять?
Зачем, господин, радость мою
развеял по ковылю?

Ярославна рано-пóутру стенает,
на путивльской стене горько причитает:

– О Днепр Славúтич! Ты пробил
каменные горы в земле Половецкой!
Ты качал на своей спине
до Кобякова стана ладьи Святослава!
Прилелей, господин, ладу моего – ко мне,

чтобы слёз не посылала
я к нему в твоей волне
на море рано!

Ярославна рано-пóутру стенает,
на путивльской стене причитает:

– Светлое, тресветлое Солнце!
Всех ты ласкаешь, почему же
палящие лучи простираешь
на воинов мужа?
Жаждой в безводном поле
за что, владыко, луки иссушило,
тоской колчаны заткнуло!

И в полуночи море плеснуло.
Смерчи проходят долу.
Это князю Игорю
путь Господь указывает
из земли Половецкой –
к Русской земле,
к отцову злату-престолу.

К ночи зори догорели –
Игорь спит, да не спит.
Игорь мыслью поля измеряет
от Великого Дона
до Малого Донца.

Вот и коня в полуночи
Овлур за рекою свистнул,
велит разуметь князю Игорю,
в плену, мол, ему не быть!..
Стукнет земля, травы всшумят,
вежи половецкие прянут назад.

Это Игорь поскакал
горностаем к тростникам,
белым гоголем на́ воду упал,
и вскочил на спину бóрзого коня,
быстрым волком с него соскочил
и к излучине Донца поскакал,
и со́колом под тучами полетел,
а гусей-лебедей для себя добывал
к завтраку, обеду и ужину.

Если Игорь полетел со́колом,
Овлур волком потрусил по́ полю,
и студёную росу на скаку отрясали,
и бóрзых своих коней загнали.

ПОБЕДИЩЕ

И. В.

На кургане, на вольном дивинце,
Парусит полотно на девице,
К Победищу подходит ладья.
Вот чуть-чуть и окликнут: – Моя!

Чур моя! – и ревнуня к Стрибогу –
А не лап! – да в уключину ногу,
Точно в стремя под смех остальных.
Кто-то дружка, а кто и жених.

Но в лодейке не слышно ни смеха.
Кормщик в воду глядит, неумеха.
Смотрят в низкое небо гребцы –
Ни в мужья не хотят, ни в отцы.

И тверды их персты, как коренья.
И чужое в горсти оперенье.

1996

* * *

Наташе и Даше Ефимовым

Альдейгия – страна невелика.
Алоде-йоги – Нижняя река,
Где Ладожка вливается в Заклюку
И Волхов различается по звуку,
Где шли на нерест лодуга и сиг,
Где прожил я счастливый самый миг.

1997

ДОРОГА ВО ВЩИЖ

Всё аушки да аушки –
Копеечная Русь.
Присяду там, на камушке,
Но я тебя дождусь.

Алёнушки, Иванушки...
Но по снегу скребя,
Я посижу на камушке
И я дождусь тебя.

10 февраля 2006

* * *

И жили без особенных забот
(Несчастливо? Но это – дело третье),
Когда всходил над нами небосвод
В то утро, в первый год тысячелетья.

Невидимый рыбак шёл по реке.
Гнилушкою тянуло от причала.
Как сумасшедший с бритвою в руке
В тумане солнце низкое торчало.

И мы не знали в нищете щедрот,
В той коже обыденного зренья,
Что нас вот-вот накроет небосвод
На Ладого, в Четвёртый день творенья.

10 июня 2014

IV.

ТЕТРАДЬ
С АНТРЕСОЛЕЙ

* * *

Серый, розовый, лиловый
пятьдесят какой-то свет.
Дышит кашею перловой
гладиолусов букет.

Я ребёнок. Я счастливчик.
У меня цветущий вид.
– Испеки ещё куличик! –
нянька сверху говорит.

Я пеку его, куличик.
Я пеку его, пеку...
Перекручен детский лифчик,
пятка где-то на боку.

Оттого и не печётся,
что в песочнице печёт.
И затем она печётся,
что песок ручьём течёт.

Он течёт да натекает,
подпирает под грибок,
он старуху заслоняет,
он меня уносит вбок.

Но стоять мне на песочных,
на непрочных на часах,
строить из песка в песочных
крупноблочных облаках

там, где цепкая старуха
в сером платье под зонтом
смотрит пристально и сухо
за вручённым ей внучком.

Ок. 1980

* * *

*Рифма – метаморфоза образа
при сходстве звучания.*

Из заметок 1978 года

Когда этнографы XIX столетья
вдруг обнаружили палочку для добывания огня
у скандинавских школьников, стало ясно, что дети
хранят в своих играх
 древнейшие человеческие изобретения,
опыт, обряд, мышление первобытных эпох.

...мне было четыре года, когда я впервые влюбился
и подошёл к ней в песочнице.
Объяснился. Представился.
И она посмотрела внимательно. И сказала:
«Андрей-воробей».

И вот, спустя четверть века, сочиняя статью про рифму,
я понял, что эта девочка – кстати, как её звали? –
магнием метаморфозы,
 классическим средством шаманов,
навек обратила меня в воробья,
усадила барахтаться в лужу.

И я кричу ей,
что я – Андрей
чик – простите! – чирик.
И всё не хватает дыхания
докричать через четверть века
и с края черновика
спросить:
«Как тебя зовут?»

1982

* * *

Вот лежит он из-за лишней крошки.
Неудачник. Сорванец. Плебей.
Вор подбитый. Серый воробей.
Перья врозь – он ждёт прихода кошки.
Форма воробья как раз такая,
Чтобы глубже лечь в моей горсти,
Клюв – чтобы потом сказать: «Пусти!»
Крылья – чтоб ударить, улетаю.

1972

НРАВООУЧИТЕЛЬНОЕ

Подрастёте – вам хватит
и зрелищ и горького хлеба.
А пока будьте добрыми,
будьте ребята, хорошими.
Не ходите по лужам,
ведь в них отражается небо.
Так зачем же по небу,
по синему небу галошами?

* * *

Ты в восьмом, я уже в девятом.
Первый вечер в школьном году.
И завидно твоим ребятам,
Я ведь рядом с тобой иду.

Пополам апельсина дольки.
Поцелуй заказным письмом.
И в среде педагогов толки:
– Он в девятом. Она в восьмом.

СТАРИННАЯ ГРАВЮРА

И. З.

Соседка соседку с утра призывает к войне:
Та ставни раскрыла, а город так густо заставлен,
Что, если окно распахнуть на одной стороне,
Напротив уже не откинешь до вечера ставен.
Мужлан из предместья волов своих тянет за хвост.
Телега застряла под хохот калек и воровок.
Патруль не рискует усесться в седле в полный рост,
Чтоб в тесную сеть бельевых не попасться верёвок.
В морозы здесь душно – течёт по фасадам роса,
А в землетрясенья дома дымоходами трутся.
В проулке хромом по карнизу от шпор полоса,
А в башне горбатой со стражником не разминуться.
И только двоим из высоких напротив окон
Не тесно в том граде, не душно в том смраде воловьем:
Она протянула над городом руки, и он
Их держит всю ночь над дымящимся средневековьем.

1974

* * *

От того, сколько ты прстоишь у окна
И просмотришь мне вслед из окна,
Не зависят из будущих бед ни одна,
Из грядущих обид ни одна.

Так зачем же мне знать, грея ветер щекой,
Что к стеклу прижимаясь щекой,
Из-под самых небес ты мне машешь рукой,
Просто машешь и машешь рукой?

1974

ЧЕЛОВЕК С СОБАКОЙ

Валентину Берестову

Ты держишь пустую перчатку за палец,
А в правой руке – поводок.
Мальчишки, которые с горки катались,
Спросили: «А это бульдог?»

И ты понарошку взглянув на них косо,
Боишься уже одного:
Что, если сегодня не будет вопроса:
«А можно погладить его?»

Мальчишки, они любопытны до дрожи,
Но хитрость твою не поймут.
И третий вопрос будет задан чуть позже:
«А как его, дядя, зовут?»

На двадцать минут они великодушно
Спокойнее станут, мудрей.
И двадцать минут будут слушать послушно
Историю жизни твоей.

Слова за слова лёгкий ветер заносит.
Боксёр твой храпит горячо.
Но не про него, про тебя они спросят:
«А вы к нам придёте ещё?»

1974

* * *

С полуразговорной ноты
Начинать больную речь
И мечтать не слечь, не слечь
Ну хотя бы до субботы.
Чувствую – заболеваю.
Время года забываю.
Хочется открыть окно,
Но заклеено оно.
На тетради с палец пыли.
Ни царапины чернил.
Что-то все меня забыли,
Даже телефон забыл.
Мама с мёдом чай приносит,
Испугается и спросит:
– Ты чего глядишь в окно,
Если там совсем темно?

* * *

На бульваре листвы поредела стена.

Дождь летит. Мокнет очередь.

Лужи, как блюдца.

– Что дают?

– Листопад.

– Листопад? А цена?

– Раз нагнуться.

1973

30 АПРЕЛЯ

И в холодную полночь поёт соловей.
Леденеет. От сырости горло свело.
Ну а что ж ты поделаешь с песней твоей,
Если раньше тепла её время пришло?

* * *

Ю. Щ.

Наши бедные матери
стелют белые скатерти,
ставят сверху вино
и не смотрят в окно.
А окно не зашторено
и оно не затворено,
и как будто за мной
ходит ветер волной.
Первым дымом прокурены
наши братья нахмурены,
матерей не таятся,
ничего не боятся.
Знают девушки строгие,
что вернутся немногие,
но не знают про то –
кто.

Неужели всё будет так,
потому что я вижу так.

1974

* * *

Отпадает первый лист –
Начинаем думать мартом.
Отлетает вся листва –
Мы живём уже в апреле.
К середине февраля
Доберёмся до июля.
А на май нам будет сниться –
Отпадает первый лист.

1975

БЕЗБОЖНЫЙ ПЕРЕУЛОК

За то, что была на другую похожа,
Когда-то, случайно, всего один раз, –
Влюбляются тоже и сходятся тоже,
И даже причины не помнят подчас.
Но там, где гремит переулок Безбожный,
Вдруг вспыхнет, как свет под трамвайной дугой,
Что жизнь была только лишь слепком с возможной,
Похожей на эту, но всё же другой.

1977

* * *

Людмиле Всеволодовне Коротковой

Тамбурным не увлекаясь мужским разговором,
Долгим четвёртым десятком вёрст утомлена,
Интеллигентная дама смолит «беломором»
Смотрит куда-то сквозь «не прислоняться» она.
Мчится в просторах душа продолжением взгляда,
Вровень составу и вслед за составом кружит.
Спутников не было, а провожатых не надо.
Лишь огонёк папироски на стыках дрожит.
Вот и прекрасно. Нет встречи – нет и расставанья.
Жизнь сквозь отдушники тамбура веет в лицо.
Ни берегов не имеет, ни дна, ни названья,
Как проблеснувшее среди болот озерцо.

3 июня 1977

Дневной поезд Ленинград – Москва

КОЛОКОЛЬЧИК С БОНАПАРТОМ

...И столбик с куклой (только медной),
Скрестившей руки на груди,
Такой величественно-бедной,
Что, право, хоть и не гляди...

При треуголке, шпаге, ленте
И непременно сюртуке
Стоит себе на постаменте
Резная ручка на звонке.

Как будто бы и впрямь не зная,
Что стёрся взгляд и даже нос,
Что под ногами Дар Валдая,
А не монмартровский откос,

Что можно взять за треуголку
И язычком о купол бить...
А надоест – сослать на полку...
Умели ж предки не любить!

Необходимо у капрала
Отнять полмира. А потом
Необходимо из металла
Соорудить его шутом.

Пусть Бонька позовёт Глафиру.
Пусть громче позовёт, злодей!
И венценосный чудодей
Гремит на целую квартиру.

1977

ТАНЦЫ В ТАРУСЕ

Летних сумерек истома...

Межиров

После сумерек потёмки,
Пахнувшие резедой,
Беспросветный зуд подёнки
Над умершею водой.

От реки ведут ступени
К Дому отдыха, и там –
Грязный гипс, лихие тени
Да скамейки по углам.

Точно пальцем в ухо давит,
Тычет в нас магнитофон,
Дома бывшего фундамент
В танцплощадку превращён.

Призывают веселиться
Фрески из «Ну, погоди!»
Эти блики, лики, лица,
Лица, Господи прости!

Так пускай, не выцветая,
Как незабытый стих,
Ариадны нить живая
Нас с тобой ведёт сквозь них.

29 июня 1979

РЕЗЧИКОВ ПЕРЕУЛОК

Б. Ш. О.

А посредине тех пятидесятих
И я гулял на тех ещё Арбатах.
Отцу по службе вышел перевод,
И вот в полуподвальной коммуналке
Не ведаю ни горя, ни хлопот.

В дверном проёме подрастают риски.
Сосу свои московские ириски,
Здороваясь с соседями чужими,
Сместилось что-то в паспортном режиме.
Заходит дядя-милиционер,
Но стоптан снег на мартовский манер.

Какие времена вокруг и возле!
Потом пойму и осознаю после
Поленницу в поленовском дворе,
Уложенную, может быть, Глазковым,
А мне четыре, и на той заре
Дружу с Барто, Чуковским, Михалковым.

Но излученья лирики тех лет –
Ещё неназванный, уже нездешний свет.

* * *

Как мамина рука
В сатиновый рукав,
Уходит вверх река,
Смыкаясь в берегах.
И так же на реке,
Где осыпь островка, –
Две осы на руке
В отметилах песка,
И так же в ручейке
(На пальце поперёк)
Щекочущий в зрачке
Нырять перстенёк.
Поверил бы, и впрок
Припал к реке щекой,
Когда б ни холодок –
Живой, да не жилой.

1978

* * *

Оле Гавриленко

С популярного издания
У психолога Леви
Утяну в одно касанье
Рифму новую к любви.

Положу полупрозрачный
Лист на пёстрый переплёт.
Светлый колер стихнет. Мрачный
На страницу протечёт.

Мы пером его не тронем.
Мы ещё в своём уме.
Мы о светлом, о стороннем
Побеседуем в письме.

* * *

На том случайном этаже...

Ал. Ар.

Чего в карманах только нет,
когда пошарим да поищем:
вот ненадписанный конверт
с вложением многостраничным –

макулатура, чепуха.
Потерянный солдатик сына.
Листа кленовая труха
и чек из зоомагазина.

Куда идти, когда домой –
нельзя? Не просят. Не пускают.
И от обиды за спиной
почти что крылья вырастают.

Чего ты к щёлочке приник,
что день грядущий, мол, готовит?
Он сам возьмет за воротник.
И обернёт. И остановит.

И выбьешься из колеи,
накатанной вперёд лет на пять,
забыв с утра ключи свои,
или лекарство в нос накапать.

* * *

Руки сцепятся, как реки,
И сольются невзначай.
А теперь прощай навеки.
На века – прости, прощай.

Не излукой, но разлукой,
Перекрёстком разошлись.
Как ни окай, ни аукай –
Расплевались, расплелись.

Там, вдали, под синей чашей,
Там, за чашкою, вдали
Волосок волны тончайшей
По волокнам расплели.

Так руническая дева
Расплетала поясок:
Нитку вправо. Нитку влево.
Нитку – с корнем – поперёк.

* * *

Не то, что мните вы, природа...

Дачная местность конца ноября.
Графика ветра и воли.
Мокрые прутья вокруг фонаря,
Что вы, по циркулю, что ли?

Или воистину прав урбанист,
В этом пустом перелеске
Соединивший берёзовый лист
С веткой посредством железки?

Или же специалист молодой,
Определивший уныло
Этот бушующий болью прибор
Как комбинат хлорофилла?

Чу! Там и следующий сиганёт
Юрким стрекозчиком серым,
На брудершафт распивая компот
С критиком К. и Гомером.

Бабьим узлом он затянет бразды
(Рифмы, что сальные пятна):
Лирика, мол, – воспеванье узды.
Мол, выражаясь, печатно.

Вроде бы дело моё – сторона.
Слишком запущенный случай.
...но невидимкою в тучах луна
Снег освещает летучий.

1984

* * *

Страшно снежинке лететь на ладонь.
Страшно ладони к огню прикасаться.
Страшно огню... Но при чём тут огонь?
С третьей же строчки ты стал повторяться.

Фигу в кармане, кулак или горсть
Лепишь из пальцев – слетают метели,
Напоминают: ты гость, просто гость
В собственном доме и в собственном теле.

Что ж на пороге стоять? Переход.
Выдох – ещё переход. Не старайся
Выучить, вымучить всё наперёд.
Дома нам скажут: Располагайся.
Передохни. Впереди – переход.

* * *

О. Х.

Скверик против шахматного клуба.
Над планетой шахматной доски
Здесь консервативно и неглупо
Молодыми правят старики.
Ты талантлив. Толькоходишь в пору,
Но подсядет мальчик на скамью.
И легко тебе предложит фору,
И с трудом ты сделаешь ничью.
Он уйдёт в закатанных по икры
Наглых джинсах, в жёваном пальто,
И кольнёт тебя впервые, что
Есть же на земле другие игры...
Шашки, скажем, домино, лото.

1977

* * *

Г. Е.

В виде света разной густоты
На фотобумаге я и ты.

Слишком быстро, как от никотина,
Пожелтеет оттиск негатива.

Видно, не хватило серебра
Видно, карточку порвать пора.

Видно то, что мы стоим в обнимку,
Даже это повредило снимку.

Ну а всё, что мы потом поймём,
И сейчас проявлено на нём.

* * *

Из почтового потом
В деревянный ящик.
Ну да отпоёт местком
Всех, сюда входящих.

Тот же воздух испитой
Обожжёт у входа,
Точно перед номерной
Проходной завода.

Кумачом течёт металл.
Ночь кострами вьётся.
А за то, что век молчал –
Вечность выть придётся.

1979

* * *

Все грядущие печали
На конце карандаша.
Зрит неизвестные дали
Дальнозоркая душа.

И предчувствуем до срока,
И тревожимся, когда
Понемногу издалёка
Приближается беда.

А потом острим за чаем.
(Интуиция – враньё!)
И беды не замечаем
За мгновенье до неё.

1979

* * *

*К концу семидесятих годов современникам
казалось вполне очевидным, что Россия
больна. Спорили лишь о том: какова
болезнь и чем её лечить?*

Юрий Трифонов. «Нетерпение»

За что они заплатят мной,
Моим ребёнком и женой?

1979

* * *

Всего-то уюта –
От часа минута.
Всего-то комфорта –
На кухне конфорка.
Вода кипятится.
Всего-то случится,
Что выпадет блюдцу
Упасть и разбиться.
Всего-то?..
Всего-то тяжёлая птица
В карниз постучится.
...Как мягко ты стелешь.
Глядишь непреклонно.
– Чего ты там мелешь?
– Зелёные зерна.

ПРИСТУП

То ли снег за стеклом падал вниз
Мимо глаз, то ли мы возносились, –
Вот и вышла душа на карниз,
И на жести следы растворились.

И покудова тело моё,
Заоконное, глухо дышало
И, храня направленье своё,
Ни живо, ни мертво – устояло,

Вся в сомненьях, как будто жена
По дороге из дома чужого,
С кем-то третьим решала она,
Обсуждала, вернуться ли снова.

3 апреля 1981

УГЛОВОЙ ПЕРЕУЛОК

Переулок заломлен углом. Над столом
Наговорено – не продышаться.
Что ни слово – облом. Повело о былом,
Но и в будущем не продержаться.
С понедельника... Впрочем, сегодня среда...
По часам... Но будильник в починке...
И сличаем, чья толще вина. А беда
Из вины лезет как из личинки.
«Извини...» «Извини...» «Не поставит ли чай?»
«Может, кашу сперва расхлебаем?»
И опять репетируем слово «прощай».
И не врём уже, но подвираем.

ТАРУССКИЕ ЯБЛОКИ

заговор

I

Слово наливалось светом,
словно яблоко на ветке,
но при этом
становилось
горше,
злее,
зеленей.

Мы ушами искушали
певчих птиц,
мы разрешали
солнцу двигаться над нами,
так ему и говорили
поутру:

ступай себе
над полями
(и над нами),
над ручьями
(и над нами),
над горами
(и над нами),
и над лесом,
и над логом,
и над завтрам!

Мы трепали
языками,
засыпали,

забываясь в ослепленьи
первого луча дневного.

Наливалось светом слово.
В полдень яблоки гремели,
как могли,
по скату крыши.

И одно о подоконник
разбивалось.
И другое
расшибалось о скамейку.
Третье бултыхнулось в бочку,
и пошло на дно спросонок.
Вынырнет – ну что ж, съедим.

А четвёртое втыкалось
в перевёрнутые грабли
и будило нас. И крестик
ты в траве похоронила.
Не нашла и не сказала
мне об этом. И ребёнку
понесла тогда. И тоже
не сказала.
Разве правда,
что любил я не тебя?

II

Этот косогор тарусский –
узкий берег над высокой,
над широкою водой,
эта стереофония
двух соседских танцплощадок,
эта ёлка, что бросала
тень сырую на участок

и за то была однажды
приговорена хозяйкой
к медленной стоячей смерти
при посредстве топора.

Мы не плакали – смеялись.
Наливалось солнце светом.
Мы не знали в это лето,
что при яблонево́й кроне
нашей, – тоже был положен
чёрный маленький топор.
А зимой сады помёрзли.

III

Ночью – ветер, ночь и грозы.
Днём – жара, река и ветер.
Ночью – речи, очи, плечи,
а потом – река и ветер.
А потом и жар, и ветер.
И опять – река и ветер.

IV

Этот трогательный трагик
и изрядный старожил,
наш хозяин,
поделился
как-то раз соображеньем
о круговращеньи плоти.

Он
в Тарусе
на террасе
говорил нам:
«Эти корни

ни дерьма, ни химикатов
не знавали до сих пор.

Тут над нами есть могила,
в ней лежит Смирнов-Агатов,
знаменитый в прошлом тенор,
а когда-то был погостом
городским
весь косогор».

Помнишь, как ты подавилась
брызнувшим в тот миг наливом?
А хозяйка утешала:
мой хозяин пошутил.

V

Этот яблоневый сад
на костях любви нашей
не прилепится назад
отлетевший и опавший.
В городе родном, чужом,
по совсем иной причине
выкорчем да сожжём.
Дым развеем по кручине.

И московскую тропой
мне по звёздам крупной соли
в дворницкой ночи доколе
всё своё носить с тобой?

VI

Господи,
ветку за яблоко тянут
ниже и ниже – ближе к земле.

Господи,
годы, наверное, встанут
в прахе, в золе,
в страхе, во зле.

Господи,
дай нам ещё протянуться,
дай же руке дотянуться, доткнуться
в этом саду, в райском аду,

Господи,
скоро уж дети проснутся,
я их с побывки домой поведу.

VII

Отпускать тебе грехи –
значит отпускать на волю.
Я тебя не отпускаю.
Я замкну тебя в стихи.

Хорошо ль тебе в строке
хореической живётся?
Много ль места остаётся
в семизначном уголке?

Я замкну тебя одну
навсегда во время оно,
шнур глухого телефона
между веток протяну.

21 декабря 1981

* * *

...И семя своё разбросав по земле,
отправимся дале.
И детям следить за тобою во мгле
в недолгой печали.
Ещё не смутился покой на челе.
Прокуренный хлеб зачерствел на столе.
Мы всё это знали.

Ты помнишь, душа примеряла судьбу?
Далёкое лето...
Дыхание матери тает на лбу,
и душно без света.
Но будто бы вдруг пробудили трубу,
и ты, перед сном закусивши губу,
увидел всё это.

Зачем мы заранее знаем сюжет,
не ведая цели?
Как будто иных откровений и нет
на самом-то деле?
К чему осознание немислимых лет,
зачем в изголовьи осмысленный свет,
как сон у постели?

* * *

Ещё ты и не называлась женой
Моей, а тем паче – чужой,

Ещё мы ни лучших, ни худших времён
Не знали, ни детских имён,

Ещё – впрочем, это почти что уже
Был куплен пакетик цветного драже,

Разорван, рассыпан по Трубной
Размолвкой первой, не крупной.

ВЫРСКАЯ СТАНЦИЯ

И в Оредежи рóскошное пойло...

Рылеев. Надгробная Рыжку

Выра была третьей почтовой станцией от Петербурга по Минскому тракту. Выриным назвал Белкин своего смотрителя; гусара-похитителя нарёк Минским.

Знакомство Минского и Дуни происходит в доме, который в начале XIX века, перебираясь в Батово, уступил под станцию полковник Фёдор Рылеев. (В Дуниной комнатке, надо полагать, и родился будущий декабрист.)

Рядом, в ганнибаловской Суйде, в конце 1798-го вынашивала дитя супруга помещика Сергея Львовича Пушкина. Мальчик появится на свет в мае 1799 г. К этому времени Пушкины уже переедут в Москву.

В первые годы XVIII века отсюда, из любезного ему Рождествена, бежит в Италию царевич Алексей. Зато вскоре приезжает и селится на Зарецкой мызе первый архитектор Петербурга Доменико Трезини.

Через век в имении его потомков начнётся трагический роман юного флигель-адъютанта с семнадцатилетней красавицей Катей Черновой. Дело закончится самой громкой дуэлью первой четверти XIX века. Но и самая тайная дуэль тех лет произошла, как полагает другой здешний житель, в том же Батове: в мае 1820 года сосланный на юг Пушкин сделает остановку в Выре и вызовет Рылеева на поединок (тот, поверив сплетне Толстого-Американца, видимо, громче других кричал «Правительство сечёт наших лучших поэтов!»).

Надо полагать, Пушкин, как обычно, стрелял в воздух. (А если так, то оредежское эхо той истории откликается в «Выстреле».)

Набоков, сочинивший эту версию, так и не узнал, что хранящиеся в моей семье записки композитора Константина Николаевича Чернова (1925 год) подтверждают его гипотезу о батовской дуэли Пушкина с Рылеевым. Черновы, соседи и родня декабриста, не зная причин того поэтического поединка, и через век помнили о самом факте дуэли. Так потомки рылеевских крестьян до сих пор показывают в укромной батовской аллее на берегу Оредежи Пушкинский камень. («Почему Пушкинский?» «А тут Пушкин сидел».)

И тоже в мае, но уже 1912 года, Кузьма Петров-Водкин рисует сидящего верхом на стуле мальчика. Это эскиз к «Купанию красного коня». Неизвестно, кто позировал, но на самой картине отрок как две капли воды похож на тринадцатилетнего сына вырского помещика Владимира Дмитриевича Набокова. Полоска красного берега за плечом отрока – привет В. Сирину от С. Вырина.

I

Выявлено. Выбелено чисто.
Свежая разломлена тетрадь.
Здесь, почти в именье декабриста,
Пристрастишься лето летовать.
Рассуждать с хозяином о старом,
Всё искать решительный изъян
И листать затрёпанный недаром
Некий краеведческий роман.

Мальчик бродит по лугам.
Холодно его ногам.
Мальчик всё запоминает.
Мальчик завтра уезжает.
Лето кончилось. Прощай.
Переломлен каравай.

II

XIX-й, зело болезный,
Уходил дорожкой продувной.
И качалась колыбель над бездной,
По-над пёстрой парковой травой.
Но пока спелёнутое лето
Лишь коснулось краешка стола.
Имени опального поэта
Млечная черёмуха цвела.

Предки жили у реки.
Бунтари. Крепостники.
И не чьи-нибудь – его.
И не чьи-нибудь – твои.
Так-таки и никого
Ты не встретишь у реки?

III

В ту экологическую нишу
Одна потянешь всех своих.
Валентина Дмитриевича, Мишу,
Жору, Пашу, Машу и иных.
Вова с Олей кинутся с порога.
Вова с Леной сядут на порог.
Господи, да как нас было много!
Всех сюда и втиснуть я не смог.

Ах, как странно в двадцать пять
Родину приобретать,
Узнавать в чужом лице
То, что в матери-отце
Ты навеки затвердил,
Да, наверно, позабыл.

IV

Рамкою вину свою оправлю...
(Смех и грех, а вырвалось само.)
К берегам иным письмо отправлю,
То, с нелепым адресом письмо.
И покуда адресата ждали
Мы по эту сторону земли,
Почтари письма не потеряли.
Просто слишком поздно принесли.

По чернильным капиллярам
Чёрной пастой, белым паром
Переписывай судьбу
Тех, которые в гробу.
Мыслью, мышечным кошмаром
По чернильным капиллярам.

V

Между тем неканувшее лето
Шло поодаль от твоей судьбы.
Мальчик первых два сложил куплета.
После дождика пошли грибы.
Улыбался бритый император.
Либеральный бант отец вязал.
И почтовой станции диктатор
Трюхал пешедралом на вокзал.

Дух фиалковый, грибной,
Палых листьев перегной
Заглушает двух империй
Бритвенно-свинцовый дух.
Вдохновенных суеверий
Шепоток – тревожит слух.

VI

– Балуйте детей своих побольше,
Балуйте детишек, господ.
Вам не ведать, что там будет дальше –
Красный берег. Быстрая вода.
Толку чуть и в праведном запрете.
Только чуть прикрикнешь – погляди! –
Махаон на ветхом парапете
Крылья свёл на бархатной груди.

Ничего ему от нас
И не надобно сейчас.
Бродят тени в бывшем парке.
Захлестнулась нить у Парки.
А повешенный в аллее –
Утра серого блее.

VII

Ну ещё какая там провинность?
Что за новый подвиг? Что за страсть?
Или тяжкая необходимость
Динамитом ограничить власть?
Нет, не даром лужские равнины
Насыщает Красногорья ток.
Из-под коренного комя глины,
Красной глины, бьют о передок.

Лучше бы совсем не это –
Жить до нового рассвета,
Всё запомнить, записать,
Детям, внукам рассказать...
Но – записано в программе:
«...не мужьями, но мужами!»

VIII

Детский мир пружинных пистолетов,
Оредежи беспокойный ток.
И опять к концу подходит лето.
Ну ещё, ещё один глоток.
Бабушкино Батово пылает.
Пятипалый лист летит к тебе.
Два глотка, но этого хватает.
В остальном доверимся судьбе.

Наступает старый год.
Мать выходит из ворот.
Может статься – за грибами.
Может статься, что за нами
Мать выходит из ворот.
Наступает старый год.

IX

Заклинать и возвращать былое
Кто тебя подбил, цитатчик, вор?
...складываю вчетверо и втрое
Мнемозины памятный узор.
Между станцией и магазином,
Как взаправдашний мемуарист,
Потакая танцу Мнемозины,
Закавычиваю этот лист.

1983

* * *

Александру Аронову

В юности сыро и стрёмно.
В пространстве её холостом
Неправдоподобно-огромно
Зиянье в зените пустом.

Пресечена пуповина.
Рот отъят от сосца.
Ещё ни жены, ни сына.
Ни матери, ни отца.

1982

* * *

Можно ли и пожелать такого –
Рекрутом сквозь годы, как сквозь строй,
Заменяя всё-таки другого,
Оставаясь всё-таки собой.
В колее обычной бабьей доли
Обретя почти счастливый вид,
На твоё унылое «доколе?»
Только улыбнётся и смолчит.
И тоску усердием утрая,
Утверждать, мол, ничего... живём...
В лихачёвский томик «Домостроя»,
Как в кровать ныряя перед сном.

1985

* * *

Д. С. Л.

И снова гарью к потолку
Алхимии алмаз.
Рифмую «Слово о полку»
В четырёхстопный раз.

Но всё молчат мои князья,
Как перед толмачом.
И отомкнуть их речь нельзя
Ямбическим ключом.

«Ты сам, мы сами по себе,
И твой язык – не наш!»
И тает в грифельной гильбе,
И брызжет карандаш.

Нестройный этот хор един
(Впервые, может быть):
«Что знаешь ты, простолюдин,
Как смеешь ты судить?»

Что ж, в наших силах до конца
Продолжить разговор:
«О, князь, как звать того певца?»
И он ответит: «Вор».

19 ноября 1979

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

Поновили, подмазали, порассуждали,
но всё та же и в тех же пространствах нетронутых
узколицей цыганкой на автовокзале
отвернулась и кормит ребят запелёнутых,
и всё тот же над ней лейтенантик ременчатый
наблюдает да с палочки каплет мороженым,
ну и некто, районной печатью отмеченный,
притворился, что спит на сидении кожаном.
Да и ты, рассуждавший о ней, за колонною
точно тот живописец самоуверенный,
что вписал себя сбоку в картину хвалёную,
а теперь поостыл и глядит как потерянный.
В самом центре российского плоского глобуса
не Икара заоблачного, не паруса –
ждёшь, чтоб лёд на Оке или стал, или тронулся,
присоседился и ожидаешь «Икаруса»,
обилеченный, в молодость облачённый,
с фотокарточкой сверенный, не обличённый.

АБИАТОР

Умастив золотым вазелином
Незакрытые части лица,
Авиатор Васильев над Клином
Государство читает с листа.

Точно в сказочке детской над всеми
Он дозорно сидит, высоко,
И ветрами сгущённое время
Нарезает на дольки легко.

И как будто прочерчена круто
В параллель горизонту черта,
И хотя пролетела минута,
Мимо уха летят почему-то
Лихолетья, столетья, лета.

Осторожней, поручик Васильев!
Осторожней, кому говорят!
Ну как этой игры не осилив,
Долбанёте сейчас аппарат?

Вашей крепкой машине фанерной
Не по крыльям сия синема:
За бортом год 10-й, двумерный,
Не сходите, поручик, с ума.

Пахнет облако керосином,
А небесные кочки золой,
И не надо пророчеств над Клином
И фантазий над бедной землёй.

Ну почудилось... Ты ж не в убытке,
Рекордист, и кумир, и герой –
Точкой в небе, штрихом на открытке,
В юбилейном издании строкой:

Мол, во времени полубылинном
Ровно в три пополудни часа
Русский лётчик Васильев над Клином
Видел город, селенья, леса.

9 марта 1981

* * *

В случае главной утопии...

Твардовский

Вылепился – доверяйся же обжигу.
Нет, перетрушу и вместо того –
Ткнусь под крыло ленинградскому дождику
Лбом потереться о струи его.

В случае главной и прочей утопии,
В случае личной и прочей беды,
Сквозь те вокзалы, зеркальные копии,
Как в зазеркалье провалишься ты.

В белую ночь беспричинно ослабиться,
Снова и снова кружить по друзьям,
Там, где слезам ещё верят, – обабиться,
В детство вернуться. С грехом пополам.

ПАШКА

«Алло, Гутионтов!..» «А он на топтушке. Звоните». Звоню. «Он верстается». Перезвонил. «Извините, Он выбежал...» «Вышел?» «Нет, шапка на месте...» Звоню. Раз сорок на дню. И сбиваюсь. И снова звоню.

Апрель на носу. И декабрь. Наказание такое... «В отделе?» «Внизу. Вы по делу?» «Да, что-то такое...» Ага, объявился, не зря ж я тебя обругал... «Чего тебе надобно, старче?» «Стишок написал».

«Большой?» «Восемь строчек...
Впечатан в набухший суглинок...»
«Погромче. Здесь автор!» «Подтаявший к вечеру лёд...»
«Донецк вызывает!» «...Проблема промокших ботинок
Опять перед нами встаёт...» Гутионтов орёт

Сквозь топот печатных машин и печатных машинок,
Поверх телетайпов, засылов, «квадратов», «картинок»,
Чтоб трубку не клал... Послезавтра в газете прочту,
Что он отлучился. На пару минут. В Элисту.

Послал же Господь мне приятелей! В мыле и спешке
Проходит их век заводной. Позвонить бы Олежке...
Он тоже в газетах, поскольку известный поэт.
Но нет его дома. И дома-то в сущности нет.

«Алло, Гутионтов!..» «А он на планёрке». С галёрки
Слежу за игрою друзей. И делю их восторги.
И фрукты кидаю в помрежа. И режу цветы.
И сам не пойму, что б я делал без их суеты?

Начало 1980-х

НИНА

Монте-Карло, Монте-Кристо... –
Это ветер в голове,
А пока что интуриста
Нинка водит по Москве.

Третьяковкой и «Берёзкой»
Этот город знаменит,
Здесь на площади на плоской
Классик бронзовый стоит,

Тут на улочке на узкой
Всё, что хочешь для души:
Хочешь – семечки полузгай,
Хочешь – «Барыню» спляши.

Ах, замах у нас вселенский...
Возвращаешься без ног
В переулок Обыдёнский,
В коммунальный свой чертог.

Есть для пудры умывальник,
Для усталости – халат.
И сама себе начальник,
И отец, и старший брат.

И промокшая, как ветка,
Как под ливнем летний луг,
Образцовая жилетка
Для знакомцев и подруг.

Поостыть бы только нервам,
Продышаться бы душе,
Всю-то жизнь прожить на первом –
Вровень с жизнью – этаже.

* * *

Соловьиного пенья, что сора в прозябшей низине,
невесомых скорлупок не вымести и ветрам.
Верхоглядом над кручей, юнцом постаревшим, разиней
озирая окрестность, читать по слогам

эти прорези жизни – женщины или птицы,
пепелище прощаний, России несграбный сюжет,
тусклый список теней, отпечатанных на роговице...
Чем слабее, тем горше. Чем дальше, тем резче просвет.

1987

ПИТЕРСКИЕ СТРОФЫ

Пойдём же вдоль Мойки...

Кушнер

– Айда? – Туда? – Ага, туда,
Не всё ж нам на печи
Жевать столичные года,
Тверские калачи.

Я начал: «И...» – и тут же ты
Попала в шаг: «...светла!»,
И просияла с высоты
Она из-за угла –

«А-дми-ралтейская...» – смотри,
Какая глубина!
«...игла» – двусложных две петли,
Кораблик – два крыла.

Куда? О да, туда, к реке,
Где оду треплет ветер,
Где даже в бронзовой руке
Хитрит российский метр.

И гибкости, и воли в нём
Не боле, чем в судьбе,
Эксплуатируя приём,
Он вторит сам себе:

Реминисценция слепа,
Но выдаст медный звон –
Александрийского столпа
Классический пэон.

Куда? Вдоль пристани веков
Внимательно сличать
Прямоугольных сквозняков
Чугунную печать.

Куда? На ветреный канал,
Где резвый философ
Псевдоморфозой обозвал
Всех этих львов и псов.

Айда вдоль кушнеровских строф.
...сначала, но потом
Не тратя времени и слов,
Давай-ка повернём

Там, на сенатском вираже,
Где пляшет под баян
Анри Луи Огюст Леже
Рикар де Монферран.

(Хозяин скажет: «Москвичи –
Недаром москвичи!»
Но, не перечая, промолчи,
Мы всё же москвичи!)

Вон у расстриженных оград
До срока вписан в план
Лихой трёхмачтовый фрегат,
Дешёвый ресторан.

Знать, Азия уже и здесь
Цыганкой во плоти
У трапа станет в душу лезть,
Шептать «Позолоти!»

Айда! Мне тоже нужно знать,
Придётся ли и впредь
На этой гуще погадать
Да ложечку спереть.

Айда, любимая. Скорей,
Пока не лопнул трос,
И это чудо с якорей
Само не сорвалось,

Покуда Саша с Леной ждут,
И Миша с Леной ждут,
И Вовка с Ленкой здесь живут
И в гости нас зовут,

Покуда и земных-то миль
Негусто за спиной,
Покуда режиссер Мотыль
Хлопочет под стеной,

Возводит струганный чертог.
(А что? Не всё ль равно?)
Но мстится – подведён итог,
И, право, не смешно.

Как заплетается узор,
Хитёр и деловит:
Экскурсовода сирий взор
И близорукий вид,

И тот собор,
И тот раствор
Тебя в моей крови,
И тот, с кем я двойным родством
Мгновенный визави...

Пойдём! Пока ещё вдвоём,
Коли охота есть –
Пойдём. Узнать ли нам о том,
Что сбудется? Бог весть.

Пойдём не в ногу и не в такт,
Но всё-таки пойдём.
А если что-то там не так –
Потом, потом, потом.

1983

* * *

Не глотнувшие духа и страха того,
не вобравшие грудью уклада стального,
не всосавшие мёртвого млека его,
вот за то и хлебнули всего остального.

Манной кашки надежд да косых посошков,
да простывшей водицы – возможно насколько.
Ох, и розов отвар либеральных вершков...
Ох, и вяжет язык из кореньев настойка...

Кто там семя бросал, а кто локти кусал?
Из каких кладенцов на цыганке монисто?
Модернист конформисту козу показал,
или где убодал конформист модерниста –

всё едино. При деле и тот, и другой.
Крепко колышки вбиты. Такая эпоха,
что и мат на заборе всё больше благой,
да и тот не слышней воробьиного вдоха.

1989

* * *

У мавзолея ели голубые...

Гиря до полу дошла.
Сдохла мышь под половицей.
Выветрится. Не впервой.
Как перед грозой тишь,
или как на той Каяле?
Мстится – как перед грозой.

Улетели или сели
диссиденты. Кроме мата –
всё бессмыслица. Как раз
на Кропоткинской в портфеле
обнаружена граната
марки «Ардис». В самом деле?
Жалко, что не «Адидас».

Еле-еле откачали
упыря. В анатомичке
жрал суслитину. Рекомо:
Поделом, своих не тронь!

В «Комсомолке» снимок дали:
группа панков, осквернивших
вечный, так сказать, огонь.

Впрочем, пол не подымали.

С УКРАИНСКОГО

Два стихотворения Лины Костенко

I

Над срубом монастырского колодца
Алеет осень гроздьями рябин.
Придёт черница и над ним нагнётся.
И зачерпнёт из голубых глубин.
Посмотрит – из-под куколя прольётся
Земной печали отрешённый свет...
Чудной народец – эти стихотворцы.
Всё им приснится то, чего и нет.
Приснится то, чему вовек не сбыться.
Внимай, по-детски ужас затая, –
На ободке серебряной криницы
Волнуются виденья бытия.
И целый свет – он брызгами дробится.
Дымок туманов в сумерках долин.
И влажный ковшик на краю криницы.
И гроздья порыжелые рябин.

II

Фанерных журавлей не окликает вырий.
Не жди, не оживут, душа уже вдали...
Пои живой водой, полнеба плачем вылей...
А мы-то, мы-то, мы... Мы вам кур-лы-ка-ли...
С деревьев моросит. Гнездо прибито криво.
Сгущается октябрь над маревом полей.
Где небо? Где земля? И кто поднимет крылья
Таких ручных, таких фанерных журавлей...

* * *

Григорию Кружкову

Снег на ниточках идёт –
Розовый, лиловый,
Потому что Новый год
С каждым годом новый.

И пойдя убереги
Взрослый взгляд резонный
От изрезанной фольги
В полынье оконной.

Стекленя за стеклом,
Как по наущенью,
Зарастая Рождеством
На пути к Крещенью.

1989

* * *

М.

Эта слабая тень в слишком позднем окне
с неуклюжим изломом куда-то вовне,
эта женщина, тонкая не по летам,
это та, что над нами на краешке, там,
та, с которой не спать, разве только что спеть
ти-та-та, та, которую встретил бы впредь
не узнал бы да хмыкнул, и которую тут
вертихвосткой зовут и монашкой зовут,
та, что манит ладошкой, а словно крылом,
чьи грядущие лжи и обиды в былом.

* * *

Горят васильки крестоцвета
Пожаром своим голубым,
А эта улыбка – примета
Того, что не будешь любим.

И сколько бы ты бестолково
Ни торкался в это плечо,
Ты в ней не пробудишь такого,
О чём и не знает ещё.

Не знает. А всё-таки знает,
И как отпоёт соловей,
Ромашкин желток растирает
В холодной ладонке своей.

1983

ВЛАДИМИРСКАЯ

Прилабунится, ища защиты
У щеки младенческой щекой,
И иконописные ланиты
Озарятся краскою земной.
Как ты им втолкуешь, бестолковым,
Что и мыслью можно исколоть
Эту плоть, наполненную словом,
Светом замороженную плоть?
Он дитя. И, может быть, не знает,
Для чего пришли, чего хотят.
Но сама его не отстраняет,
И сама не опускает взгляд.

1–5 сентября 1984

* * *

Веточка вены на левом виске,
Слабая, с временем накоротке,
Тонкая под суховеем ветла,
Светлая, но и под гримом светла,
Словно кому обещалась светить...
Прядью не спрятать, косынкой не скрыть,
Малая речка нездешних полей,
Так и не ставшая жизнью моей.

10 октября–9 ноября 1985

* * *

Л. Б.

Машинист и сам не знает,
Что везёт тебя ко мне,
Стрелку к стрелке подбирает
На железном полотне,

Веко к веку прилипает,
Но вот так и на часах
Стрелка к стрелке приникает
От меня в трёхстах верстах,

Где лучом единорога
Разделяясь пополам,
Разбегается дорога
По невидимым полям.

1985

* * *

Эта жизнь моя, крытая толем,
Послушанием листовым.
Изогнувшийся низким глаголем
Дачных падалиц лиственный дым.

И слоями меж небом и пашней
За штакетником календаря
Разрушение кроны вчерашней
На дубовом листе ноября.

И соседская дань суесловью
С кандидатом столичных наук,
И в суглинке бок о бок с морковью
Хрен да редька и репчатый лук.

...Неужели не надоело
Лишь подошвою почву месить?
Прежде чем положить в неё тело,
Вдруг опомнишься душу вложить.

Не сейчас, так хотя бы под старость,
Если светит оттуда и нам
Огородных обрядов усталость,
Бузиной охраняемый храм,

Тот расстриженный, краснокирпичный,
Где крест-накрест горбыль у ворот,
Где весна скорлупою яичной
Только хрустнет – и тронется лёд.

1985

* * *

Вёдро. Пустое ведро опрокинуто навзничь.
Донце облуплено. Не остынет и за ночь.

Где мы? В Тмутаракани? Царьграде? Париже?
Для нашей темы можно бы и поближе.

Камни степные белых костей белее.
Вот они – черепки в горсти Водолея.

Лунного клея не хватит соединить их.
Вытекло время в море. Секутся нити.

Так говорю – ты же взглядом уходишь по склонам.
Птица плещется в сини, облачко в море Чёрном.

И одиноко нам, и солоно одинаково.
Сколько порушено, столько же и заплакано.

31 августа – 2 сентября 1985.
Херсонес

* * *

Зачем мне этот ключ от дома,
В котором ни дверей, ни стен, —
Лишь прошлогодняя солома,
Чужой печали едкий тлен.

Чужой любви непрочный плотик,
Притопленный на полпути...
Один и есть на свете плотник,
Чтоб эти стены возвести,

И то не прежде, чем стенанья
Под крышу возведёшь к нему,
И между делом мирозданья
Он осветлит и эту тьму.

3 ноября 1985

* * *

И сердце тобой захлебнётся, едва
сомкнутся вскипевшие по роговице
две бездны, и разъединятся слова,
и мир раздвоится.

Куда, раздвоив, ты уводишь меня,
руками укрыв и упрятав под веки,
не в эту ли область слепого огня,
в которой при жизни горят человеки?

И что там за краем желания, за
чертой, до которой вы нас допустили?
«А дальше нельзя, не смотри!» – и глаза
вспотевшей ладошкой на миг заслонили.

1986

ПАРАД В ВОСЬМИДЕСЯТОМ

М. С. Г.

Терракотовых ласточек вздыбленные хвосты.
Ветеранов ондатровых звёзды на заднике данном
Да кирпичная стужа заката – заставы, посты
И грызня, если верить иным непроверенным данным.

Здесь, под сенью стены восходя на гранитный редут,
Через бруствер трибуны в окопной нахохлены думе,
И болтают в низах: пулемётчики их берегут,
Расчертив на квадраты брусчатку, дежурят на ГУМе.

Как они воевали при страхе таком? Ордена
Доставали штыком, или чем? И самим непонятно.
В ликованьи бесстрашном под ними проходит страна.
Старикам мавзолейным бесстрашие даже приятно.

От бесплатных больниц до почти что бесплатных бойниц.
От бесплотных докладов и здравиц до масок бесполох.
Скоро, скоро портреты с фасадов повалятся ниц.
Эта вспышка не выстрел в упор – крематория всполох.

1985–1989

* * *

Е. Д.

Едва повернёт от Успения к Покрову,
И сердце набухнет от влаги гниющей свирели,
Душа, как больная собака, находит траву
В ближайшем дворе – на помойке ли, на пустыре ли.

Смотри – так и ветви смиряют растительный зуд,
Отторгнув плоды и слагая истасканный ситец,
И горькую сырость созвездий, как соску, сосут.
И это важней, чем дыхание и фотосинтез.

Не плачь, ради Бога не бойся: все страхи – враньё.
Когда это брезговал он неумытой душою?
Как прачка Мария отбелит, отмолит её,
Прикроет привычной ладонью по-женски большою.

* * *

Нету их. И всё разрешено.

Самойлов

Когда уйдут и эти,
последние, когда
в провал тысячелетий
затянется вода,

когда сомкнутся краски
и отслоится крик,
и хрустких строчек связки
слизнёт сухой язык,

в двести тысяч неведальном
заштопанном раю
каким исповеданьем
у бездны на краю

среди иных разборок
историка рука
обмерит тот огарок –
десятые века?

Столетия антитезы,
чреда великих войн,
стальных машин протезы,
их рёв, и вой, и вонь,

трёхмерная опока,
заштатные места,
ни пылкого Пророка,
ни кроткого Христа,

а эпигонов масса –
талдычат и мычат,
под красным знаком Марса
и тот, и тот зачат...

И подытожит хмуро
из своего угла:
– Была литература.
Что толку, что была?

9 января 1989

* * *

А. Г.

Перепели песни и во тьму
Переговорили разговоры.
Вот и разошлись по одному
Прожектёры, мальчики, позёры.

Лезли удивлённые на свет,
Трепетали на ветвях крылатых:
Ах, листва 60-х лет,
Как летела ты в 70-х!

А когда погасла та звезда,
И померкла, не взойдя, иная, –
Мы вошли за ними, ни стыда,
Ни иллюзий не перенимая.

И хотя стояли на своём, –
Прожили своё, да не прожили.
И теперь их песенки поём,
Потому что новых не сложили.

* * *

О. Х.

Прагматики, железные мужи,
влекомы выделеньями рассудка,
до неба громоздили этажи,
а после отступили. Чья-то шутка
бетонная о равенстве полов
овладевала публикой на ложе
Прокруста. А поверх живых голов
под вечер брезжили рога и рожи,
которых, впрочем, не было. Дыра
над Атлантидой следствием фреона
была объявлена. Певец добра
и дубнинского синхрофазотрона
пел шепотком влагательное «О!»,
другой по колбасе и пестицидам
с высоты Эн уменья своего
шаршил корневыми. Суицидам
подростков и бездетных матерей,
и прочим олимпийским видам спорта –
гип-гип!.. У нарисованных дверей
парламента – здоровая когорта
евреев выявляла. «Новый мир»
открылся мемуаром миротворца,
который поднимал за Третий мир
бокал напалма. Низенького горца
покуда не склоняют...

Вот тот мир,
где нам с тобой ещё светило солнце.

1989

РАСПУТИЦА

Вадиму Черняку

Снег шершав и рассветы корявы,
Но уже оскользается взгляд,
Потому что из каждой канавы
Небеса, не мигая, глядят.

Вдвое глубже, и выше, и шире,
Ибо вся отразилась в реке,
Города, что штыки, растопыря,
Ты вот-вот воспаришь налегке

Не мотором стальным дребезжащим,
Не пропеллером – смертным винтом,
Над прошедшим и над настоящим,
Над звездой своей и крестом,

И не тройкой – червонной тачанкой,
Ведь не зря по углам берегла
Эти кровли, пернатые дранкой,
Безъязыкие колокола.

Ну так в путь – над солёной и пресной,
Над слезящейся талой водой,
Поднебесная – станешь небесной,
Золотою утрёшься зарёй

Над прибрежной строкой краснотала,
Где надёжная в пролежнях грязь,
И над всеми, кого ты заспала,
Грузной грудью на грудь навалюсь.

В карауле архангельской стражи,
Как живые склонились они,
А иначе нельзя же, нельзя же,
Потому что последние дни,

Потому что крылатая почта
Раззвонила на все голоса,
Что водою пропитана почва,
И текут по земле небеса.

29 –30 августа 1984

ГЕНЕТЛИАКОН

послание к Иксу и Игреку
о Московском царе Алексее,
предупреждённом немцем-астрологом
об эпидемии чумы и немца посрамившем,
а также о том,
что по этому поводу писали разные авторы –
иноземные и отечественные

*Не зри на мя, аки волк на агнца,
но зри на мя, аки мати на младенца.*

Даниил Заточник

Алексей Михайлович Тишайший,
бывший между Грозным и Великим,
не откушавши и простокваши,
встал наутро даже слишком тихим.

С ночи перед ним лежала карта
Всей Вселенной. А поверх Вселенной –
розовый пергамен Энгельгарта,
труд астрологический, секретный.

Немец врал: «Вдали обсерватории
без таблицы, без инструментария
посреди заснеженной Московии
на краю земного полушария

ненадёжны звёздные энклитики
для расчётов внутренней политики.

На вопрос о сопредельной Турции,
близкой Швеции и дальней Дании:
наказуя праздные индукции,
церковь порицает волхование:

Марс горяч, но слово государево
и остудит, и раздует зарево...»

Хитрый немец то ли продал чёрту
свою душу, то ль кому подальше –
ляху или турку. К звездочёту
Алексей Михайлович Тишайший

не затем писал, чтоб выходило
как у ведьмы-дуры – так на эдак! –
впрочем, что-то в той хартийке было,
ну и припасалось напоследок:

«Жди беды в предел своей державы
не от козней ляха или турка –
вижу: люди падают, как травы,
но не слышу сабельного стука,

потому как скосит пол-Европы
чёрный всадник на коне крылатом
и махнёт через твои сугробы
в тыща шестисот шестьдесят пятом!»

Вот какие лютые напасти
предрекал британский этот немец.
– Язву обуздать не в царской власти! –
врал царю учёный иноземец.

И хотя забыл свои таблицы,
не привез ни трубки, ни пенала –
оставалось плакать и молиться,
раз такое горе подступало.

...или как у них в «Декамероне»,
не надеясь даже и на чудо, –

скоморохов звать, блудить на троне,
жрать и сказки сказывать, покуда

вьётся возле нечисть моровая,
вотчину твою перебирая?

Алексей Михайлович Тишайший,
не любивший скоморошьею скверны,
каши и в обед не расхлебавши –
бдел. А те царевны-Алексевны,

три порфирородные юницы,
слушали сопение органа,
забавляясь, аки голубицы,
под присмотром дядьки-басурмана,

и к тому же складывали вирши,
лексикон латинский затвердивши.

...здесь, должно быть, вставка летописца:
«Евдокия, Софья и Мария,
де, едва успели народиться...
Впрочем, допетровская Россия

знала толк в строительстве органном.
Строили – да за море дарили.
И персидский шах с бухарским ханом
музыку московскую ценили.

Нехристи, а чувствовали кожей:
трубный глас – духовный. То есть – Божий».

Богомолен, но не суеверен,
в полдень царь прикрикнул на царевен,
приказал дворянам собираться,
повелел боярам подыматься,

дабы впредь российские пределы
сквозняком заморским не продуло,
птица бы и та не пролетела,
полевая мышь не прошмыгнула.

Веру верить – значит дело делать.
Что нам звездочётовы таблицы?
Ратники, полков, наверно, девять
в новолетье встали вдоль границы.

...И двойным кордоном санитарным
саморучно Русь перепоясав,
бил поклоны и в приказе Тайном
даже с ляхом был почти что ласков.

А когда на будущее лето
этот самый всадник молодецкий
выкосил почти пол-бела-света,
но не одолел кордон стрелецкий –

распростился мудрый царь московский
с посрамлённым немцем-звездочётом,
обрядивши в царские обноски,
отпустил не абы как – с почётом,

дабы и в Британии узнали,
сколь хитра московская затея!
И прошло семь лет, и у Натальи
родился сынок от Алексея,

и в честь ключника, что запирает
райские врата пред маловеком,
был крещён... А дальше всякий знает,
как мы жили при Петре, при Первом...

В этом месте на полях приписка,
скоропись, завившаяся вязью:
«Се родила баба василиска
по кощунству и по безобразью.

Пётр – и сам масон, и сын масона».
Слева резолюция: «Ре-зон-но!»
А чуток правей – листок в линейку
из тетрадки за одну копейку:

«Алексей Михайлович Тишайший –
благодетель всей державы нашей,
это он заслон поставил мору,
оттого-то Русь и вышла к морю,

Царь, а не кичился подлой славой,
не гулял в тулупчике нагольном,
не конфузил шведа под Полтавой...
Ты его сконфузь-ка под Стокгольмом!

Се ля ви: тот копит – этот тратит.
Тот блюдёт себя, а тот не помнит.
Батька ладит, щели конопатит,
а сынок придёт – окно проломит!..»

В тексте пропуск, ряд подтёртых точек
и карандаша летучий прочерк —————

Ссылка: «Разговоры в царстве мёртвых.
Сочинение Петра Крекшина».
И начальным почерком на стёртых
сгибах – буквами большими:

«Даром, что Тишайшим прозывался!
Ну а как же Соляной и Медный

бунты? А раскол образовался –
тоже сам собою? Этот бедный,

юный огонь – невинности румянец –
не тогда ли попусту размыкан?
Для чего терпел старообрядец,
для чего Степан, Богдан и Никон?

И отсюда линия прямая
к линии великого младенца,
что явился на исходе мая,
как прошло семь лет с отъезда немца.

Новогодней полночью зачатый
на утеху птицам в тёмных нишах
он развесит на стене зубчатой
тех стрельцов, чуму остановивших.

А уж как пойдёт лихое дело,
как пойдёт – читай того ж Крекшина –
быть пожару. И земля сгорела
вглубь себя на полтора аршина.

И посол державы иностранной,
сургучом закапавши и воском,
доносил, что фабрики органной
впредь не будет на холме кремлёвском,

дескать, новый государь намерен
известить старинную забаву:
натерпелся в детстве от царевен!
Ох, любили поиграть на славу...

А у московитов есть обычай –
среди реки на Масляной неделе,

издавая свист и гогот птичий,
жечь на льду и лиры, и свирели».

...что-то оттепели зачастили!
Распустили розовые нюни.
Сколько цвета, Господи, побили!
Где они, июни да июли?..

Нет, недаром Алексей оплакан
в час, когда скрипели ножки трона
и недаром врал генетлиакон
Епифания и Симеона,

мол, явился отрок богомольный,
и планеты встали в лучшем виде,
мол, аспект четырёхугольный
был на небе, егда Пётр прииде!

Это после! А тогда с порога
Симеон мешал исторгнуть бремя:
– Потерпи – просил – ещё немного,
не рожай – просил – ещё не время! –

Знали, знали подлые монахи.
Утаились в трепете невольном,
убоялись, вот и скрыли в страхе,
что аспект был... тупоугольным!

...Поясню: генетлиакон – это
гороскоп, изложенный стихами.
Ну а что касается аспекта –
если надо, разбирайтесь сами...

У несжатой нашей книжной нивы
между финских стенок и паласов

мы нелюбопытны и ленивы,
как заметил, кажется... Некрасов.

И своих преданий не читаем,
ежели не в пикулевском вкусе,
и своей истории не знаем,
ежели она не в кратком курсе.

Но при всей тоске официоза,
и при том, что платят маловато,
и при том, что в Красноярске – проза,
а в столицах брат пошёл на брата –

хорошо с неглупыми людьми
выявить: что новенького в мире?
Извели Россию марсиане?
Отыскались градусы в кефире?

Тут ещё зараза из Европы,
ну и негативные процессы:
аэробика и гороскопы,
йоги, возвращенцы, экстрасенсы...

И как шашку выхватим цитату,
разбираясь, кто виновен в том, что?.. –
и цитатою по супостату,
если от себя себе же тошно...

Но и это, верно, так по-русски,
просадив полжизни за копейку,
из двухкомнатной своей кутузки
выйти на бульварную идейку.

Западники и славянофилы –
тот своей любитесь системкой,

тот на стенку лезет, что есть силы,
призывая лезть на стенку стенкой.

Всё Россия – опытное поле, –
обронил один неглупый лирик.
И как током вечное «доколе?»
И за каждой кочкою – рубильник.

Ну и Пётр – он нашей же закваски:
никакие немцы не смогли бы
всю Россию так по-русопятски
онемечивши – поднять на дыбы

у семи ветров на перекрёстке,
где варяги переходят в греки,
где простоволосые берёзки
над обрывом, аки человеки.

1987

* * *

*В горький город горький путь...
Из старой тетради*

От нервического тика
Негражданственных свобод
Снится седенький заика,
Аналитик и юрод,

Тот, сухой и большерукий
Всенародно битый тать,
Отлучённый от науки
Лжи молчаньем потакать.

Щурится от поворота
Запределен и нелеп,
И протягивает что-то
Так похожее на хлеб.

А у нас свои печали,
Актуальнее его,
Мы себя не расщепляли,
Нам-то каяться с чего?

А у нас в руке синица
Да с повидлом бутерброд.
И чего он только снится,
Колотушкой в сердце бьёт?

5 ноября 1989

ПАРИЖАНКА

М. В. Р.

Тётка Мавра ювелир, а не юбиляр.
Ей в таможду и в ОВИР выручать товар,
Ей прилично, как в тюрьму, и в ЦК, и в шоп.
Утверждает: «Всех уйму. Понимали чтоб».

Тётка Мавра нос торчком, хоть и не велик,
В бок упрётся кулачком – плакать не велит.
Скажет: «Мать твою етить, не перекопать!
Нас должно ещё хватить лет на двадцать пять!»

По бульвару коlobком с ветерком катит.
Ветер, как за свитерком девичьим летит.
Отражается в стекле: «Догоняй, Андрей!»
На своих ли, на метле – всё простится ей.

1991

БЕЛАЯ ПОЭМА

В тот день была объявлена война

Ходасевич

1

Стоять, ты наш зелёный, стоять,
стоять, браток... Вот эдак и поймать
себя воспоминанием на стыдном
сюсюканьи, почти совокупленьи
с таким холодным и таким не женским
предметом, дурно пахнущим соляркой.

Застать себя в двух метрах от стены
хрустально-идиотской, в белом прахе
бетона, среди груды мокрых досок,
каких-то арматур. Узреть себя
внутри костра, поскольку отраженье
как чудо в том нетронутом стекле.

Пристрастнее, чем сорок тысяч братьев,
и безнадежней дряблого персека
над телом комсомолки, и скромнее
растлителя Лолиты, и быстрее,
чем в том году (ты помнишь?) получилось
у нас с тобой под дождиком таким же,

теперь под бу-бу-бу-бу Б.Курковой
застать себя оглаживающим
символ совка – так искренно, так нежно –
в толпе, но кто заметит? Столь мгновенно

прикосновение пальцев к телу танка.
Родименький, зелёный, стоять!

2

– Ну да, пройти они по нам пройдут,
но будет склизко... –

Перед баррикадой
возник какой-то попик с депутатским
значком на рясе, со своей кастрюлькой
в кульке из прогрессивного издания
и с ложечкою, точно доктор.

– Все
здесь православные? – И хором: – Все,
все батюшка. – Все причащаться будем?
– Все, батюшка. – Вот так сложите длани
и оглашайте имя.

– Так-так-так –
кварталах в двух одобрил пулемёт.
И потянулись, складывая руки
Андреевским – по очереди – смертным
крестом: Артёмий, Александр, Василий,
Аркадий, Айвор, Янис...

Почему-то
тут пулемёт заткнулся. – Перекурим! –
скомандовал афганец. И впервые
ему не подчинились.

3

Командир,
ты закури, когда вода стоит
не только что в кроссовках и карманах,
а даже в пачке «Явы». Лишь стальные
пруты покуда отторгали влагу,

и та, змеясь, лоснилась и искрила
в прожекторных клубах. И отползала
к невидимой реке. Одни глаза
да кулаки, приросшие к железной
лозе внутри сухими были. Так
в канун Преображенья на Дунае
змей избивают. Ежели гадюка
семь лет сумеет пролежать под плахой,
она вползёт на камень, а сползает
уже драконом. И займётся лес,
и льды в горах обуглятся.

– Вниманье,
мы ровно-ровно дышим! – репродуктор
стебался, но по делу, – оставаться
всем на местах. Сейчас опять ползут
от Пресни... –

Бело-бело-белый айсберг
покачивался, быстрорастворимый,
как рафинад в стакане. И у стенки
полковник, по всему южанин, вспомнил,
как брал его отец смотреть на снег.
– Кто был ничем, бывает, и летает, –
и отшатнулся, будто бы ужален –
на, отсоси! – и теми же губами
сведёнными, – не может быть, чтоб Бога
настолько не было.

4

И рассвело
так неправдоподобно быстро, как бывает
лишь в детстве в планетарии. Зрачок
ещё не различал цветоделенья,
но был ли в это утро мир цветным,
я не уверен. И на том спасибо,

что он покуда был.

Мутилось небо
московское дождями. Метромост
волол за электричкой электричку
на ту войну, где русские по русским
опять стреляли. (Ох, глядел, как в воду,
тому лет девять Толик Головков,
арбатский миннезингер.)

Но уже
в своих непыльных фетрах комиссары,
вскрыв сейфы и опрастывая чрево,
склонялись над фаянсовым очком
и как кольцо наотмашь рвали воду,
и старый маршал, слушая куранты,
решался – нембутал или окно?

5

И уходили в день, хотя просили
из репродуктора: не покидайте!
Бестрепетно, почти и без усилья
крест проставляя и на этой дате,

и выходили в ночь во вторник, в среду –
три смены отстояли. И добыли
себе свободу, а вождам – победу.
Но тут, как говорится, – или-или.

Август 1991 – август 1992

СТИХИ К ОЛЬГЕ К***

БЕЛОЕ ДЕЛО

Ещё одна битва проиграна.
Равняют бульдозером рвы.
Портреты приятеля-Ирода
В провинцию шлют из Москвы.

Какой-то строкою оплатится
Из чьих-то, из будущих книг,
Крыло или краешек платица –
Виденья последнего миг.

2 мая 2000. Парад планет

* * *

Паришь ангелочком фарфоровым,
Обиженной букой глядишь,
Стращаешь недевичьим норовом,
Воробышек, мамин глупыш.

И ежеминутно прощаешься,
Когда остаёшься вдвоём,
И в сердце моем не вмещаешься,
А всё разрастаешься в нём.

2 мая 2000

* * *

Ничего ещё не решено.
В сумраке серебряном над нами
Крутится судеб веретено.
Ангелы качают головами.

Моему с твоим поводырём
Стоит объясниться нелукаво.
Смотрят: оборвём, не оборвём?
И вмешаться не имеют права.

Тишина межзвёздная густа.
Пахнет вечность книжным переплётом
И колышет детские уста
И молитвою, и устным счётом.

19 мая 2000

* * *

А ты – письмо из юности моей,
Дошедшее без адреса и марки,
И только почерк твёрже и смелей,
И слог ребячлив, и чернила яркие,
Всё набело, и ни одной помарки,
А прочитать – не хватит жизни всей.

29 мая 2000

* * *

Виктору Правдюку

Ангел, вслепую летящий над Лиговкой не замыкает трамвайной – в натёках заката – оснастки, не оставляет на глянцевой голубизне бледную сыпь стеклореза, но явно к развязке дело, и на перекрёстке клаксон даром в осиплую спину рожком завывает, – экологически чист и почти невесом – Господи! – всё-то летит и почти поспекает в недрах метрошных дворцов, где подгорный указ, окаменелый, скреплён в сталактитах мажорных аж Георгадзе, и мимо неоновых касс пригородных – через Мгу – мимо платных уборных в волнах лаванды, и ближе – дворцом проходным, через парадный подъезд в византийском зловоньи, сквозь витражи, куражи и промышленный дым, сквозь репродуктор смердящий и крики вороньи кооперации цивилизованной, сквозь лейблы, и всю фурнитуру генштаба, и Лету – всё-то летит он поодаль тебя, но не врозь: мол, не печалься, хотя бы и песенка спета.

Май 1990

* * *

Опереться о воздух локтями
И, повиснув над собственным сном,
Полететь над домами, дымами,
Над отцом, что в кладбищенской яме
Видит сны в измереньи ином.

Что ему до вороньего грая
В тех краях, где ни вёсен, ни зим?
У ограды ваганьковской с краю
Он не знает, что я проезжаю
На метро дважды в будни под ним.

От прошедшей расплакаться боли,
От забытого вспыхнуть стыда,
Направляя усилием воли
Беспричинный полёт в никуда.

2–28 мая 2000

В АЛЬБОМ ТОЛИ КОБЕНКОВА

У Сената намёрзнешься, не атакуя,
И пожалте – от Нерчинска до Акатюя,
Где прикрытый тобою Леонтьишко Дубельт
Циркуляром по темечку приголубит.

Собирайся, свободы рассеянной паства,
И кедровник валить и крепить государство,
И шептать-причитать, мол, Россия-Расея –
Всё зелёнка от Терека до Енисея.

По грибам да орехам, грехам да огрехам,
Век железно проехал по собственным вехам.
Ах, когда-нибудь мы это дело отметим.
Ну, пускай не в XX, пускай в XXIII.

29 мая 2000

РУССКОЕ СТОЛЕТЬЕ

Андрею Зубову

Десятые – распятые.
Двадцатые – пальчатые.
Треклятые тридцатые.

Сороковые – известно каковые.
Пяти-, Шести-, Семи-досадные,
Сперва десантные, потом осадные.

Без боя взятые
Восьмидощатые.

И Девяностые –
Из тощих – в толстые.

А нулевые –
Ни мёртвые, ни живые.

И вновь Десятые...

Октябрь 2011

**ИЗ СТИХОВ
ПЕЛАГЕИ МАРФОВНЫ**

НЫНЕ ЗДРАВСТВУЮЩЕЙ
ВОСПИТАННИЦЫ СМОЛЬНОГО ИНСТИТУТА,
С 1918 ГОДА ПРОЖИВАЮЩЕЙ
В ГОРОДЕ ТАРУСЕ

АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ

А ему с платформы бурк:
– Это город Петербург.

АВГУСТ СЕМНАДЦАТОГО

Заели малосольным
И овладели Смольным!

ПРОПИЛЕИ ПЕРЕД СМОЛЬНЫМ

Пропилеи Щуко и Гельфрейха –
Это в духе Четвёртого рейха.

ОБ АНАГРАММЕ В ПАРТИЙНОЙ КЛИЧКЕ одного недоучившегося семинариста

То, что Берестова поразило
(И, – заметьте! – не поспоришь с ним!) –
Юный Сталин от Сатанаила
Принял свой партийный псевдоним.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Россия, странная страна,
Напоминает мерина:
Не ест лет семьдесят она,
А всё говна не меряно.

ЧИТАЯ АНДРЕЯ СИНЯВСКОГО

Мин херц
Абрам Терц!

ДЕТСКОЕ

Спят рубашки и штаны,
Спят медведи и слоны,
Спят леса, поля и травы,
Города родной державы.
Только часовой не спит!
Потому что зуб болит.

О ШКОЛЕ ОЛЕГА ГРИГОРЬЕВА

У Совка агония.
Вот и пью в Сайгоне я.

В КАБАКЕ

Шалман –
Шарман!

ОБОРВЫШИ и др.

№ I. Укатали сивку крутые.
№ II. Не руби сук, на которых сидишь.
№ III. При моей жизни – только через мой труп.

ФИРМЕННОЕ БЛЮДО

Язык без костей

НА 8 МАРТА

Всё-тки тётки –
и-ди-о-тки.

УСТЬ-ОХТА

Страна, доверившись козлу,
Подсела тупо на иглу.
Теперь возводится игла
На малой родине козла.

ДВА ДУРАКА ВТРОЁМ

После паденья Ниеншанца
У шведа не было ни шанса.
После паденья газоскрёба
Есть шанс, что навернётесь оба.

18 ДЕКАБРЯ 2011

Ножницы двух жизней, двух эпох:
Гавел умер. Ким Чен Ир подох.

К ПОРТРЕТУ ДРУГА-СТИХОТВОРЦА

А вы способны это вынести?
Любовь к себе, но без взаимности.

ЦЕНТОН ПО-КИЕВСКИ

Учи истории уроки:
Вчерашний день, часу в шестом
Ревёт и стонет Днепр широкий
В тумане моря голубом.

СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС

Подлежащее сказуемое наречие не течёт.

ЖУКОВУ КОЛОРАДСКОМУ

Комбат,
Come back!

ИЗ ГЁТЕ

Короче, молодости звук – фук.

ПОДРАЖАНИЕ АЛЕКСАНДРУ АРОНОВУ

Точку подвинул – линия вышла.
А её подвинул – получилась плоскость.
Плоскость опрокинул – объём образовался.
Так вот и построил пространство.

Стал сдвигать объём относительно объёма –
Ничего не вышло кроме жара и грома.
Вместо идеального четырёхмерия –
Жадная потная дура – материя.

На неё подую – пойду за газетами.
Пусть оно само собою сбывается.
Народились солнца (иные с планетами),
А на той, на синенькой, жизнь затевается.

Ах, какие рожи вокруг... – ну и славненько! –
То Джурасик Парк, то в копытце водица.
Времена текут, всё текут, как из краника.
Дай-то Бог, когда-то и Слово склубится.

С АРАМЕЙСКОГО

Неимущие благословенны Духом,
И земля над ними будет пухом.

* * *

Спсб –
из СПб!

В КНИГЕ

І. ЗИМНЯЯ ТЕТРАДКА

Вместе – ты да я, да мы с тобою...	7
Повторяю гамму...	8
Нелеп, как пароход среди перронов...	9
Кто научил тебя, тираня зренье...	10
Выходил куда-то. Лет на тридцать...	11
Торопливым цветеньем черёмухи...	12
ПТИЧКУ ЖАЛКО	13
РАБЫ НА ГАЛЕРЕЕ	14
Се Праматерь русских городов...	15
МАЙДАН	16
Где не знаешь, – неведомо где...	17
Лётчики стихов не сочиняли...	18
На траверзе негаданной беды...	19
КАЗУС САМОЙЛОВА	20
ГЛУХАЯ ИСПОВЕДЬ	21
ПАМЯТИ ЗАВЕНА	22
РАЗГОВОР С АВЕРИНЦЕВЫМ. ЛЕТО 1983	23
АФАНАСИЙ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ	24
ТРОСТЬ КИТОВРАСА	25
В ХРАМЕ	26
ДИСПУТ	27
Рычащее «Не тронь вина, Гертруда!..»	28
МИЛЛЕНИАРЫ	29
ЖЕТОНЧИК МЕТРО	30
ХРАМ ХРИСТА НЕРУКОТВОРНОГО ОБРАЗА.	31
ГЛЕБ НОВГОРОДСКИЙ. ЛЕТО 6579	33
КАРТИНА МАСЛОМ	36
6 ФЕВРАЛЯ	37
ЦВЕТОЧНЫЙ ХЛЕБ	38
РОЖДЕСТВЕНО	40
ПОСВЯЩЕНИЕ ПЕТРУ АРШАКУНИ	41
Там, где спит святая Ксения...	42
ВАНЬКА-МОКРЫЙ	43
ПРОГУЛКИ С СИНЯВСКИМ	44
Бессловесные души собак и котов...	45
МЕТРОВКА	46

БАЛЛАДА ОКОВСКОГО ЛЕСА	47
ИЗ НИКОЛОЗА БАРАТАШВИЛИ	49
КРАСНАЯ ГОРКА	50
ИЗ ШЕКСПИРА. КОРОЛЕВА МАБ	56
От черёмухи до сирени...	58

II. НЕЖИЛОЙ ФОНД

МОНОЛОГ ЗМЕЯ СО СКАЛЫ МЕДНОГО ВСАДНИКА	61
Пока струились вертикали...	62
РУНЫ ПЕТРОПОЛЮ	63
ХОДАСЕВИЧ	64
КАРТотека ПУШКИНСКОГО ДОМА	65
ВЫРИЙ	66
КСЕНИЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ	67
13 ИЮЛЯ 1841	68
ГРАДОСТРОИТЕЛЬ	69
КОЗЬЕ БОЛОТО	71
ИЗ «АЗБУКИ СПб»	
ФРАНЦУЗСКИЕ СТИХИ	
СЕРГЕЯ МУРАВЬЁВА-АПОСТОЛА	72
КРОНВЕРК	72
ВОЛКОВО ПОЛЕ	73
ПАМЯТИ НАТАЛЬИ КРАНДИЕВСКОЙ	73
Лютеранке в православном храме....	74
РАДИЩЕВ	75
Не город – сопрелая полость...	76
Вощёную щеколду опрокинув...	77
Каково скалолазу глядеть в небеса...	78
10 ФЕВРАЛЯ	79
Только пятна жиденского ила...	80
В питерском профессорском семействе...	81
И эти пятна по воде...	82
ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ЗАВЕНУ АРШАКУНИ	
I. Поперхнёшься воздухом пушистым...	83
II. Особенно когда зелёного в избытке...	83
III. Портрет жены художника...	84
Бледный, болотно-озёрный модерн...	85
В соединеньи неба и дольней вони...	86
МОРСКАЯ, 47	87

Господин капитан бомбардирский...	89
НА СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА	90
S.-Pb	91
РУНЫ БРАТУ НИКИТЕ	92
Законы были справедливы...	93
Ни берега, ни паруса, ни облака...	94
Море схлынуло. Куда ж ещё нам...	95
ИЗ ШЕКСПИРА. ДВА МОНАРХА	
I. МОЛИТВА КЛАВДИЯ	96
II. ПОСЛЕДНИЙ МОНОЛОГ ЛИРА	97
КАК БРАЛИ ДЕДА ПАВЛА ЛЕБЕДЕВА	100
ПРОГУЛКА ПО НЕВСКОМУ	
С ВАЛЕНТИНОМ БЕРЕСТОВЫМ	101
MON PORTRAIT. Из французских стихов Пушкина	102
ВИТАМИН «С»	104
Всё о чужом да о своём...	106
ИЗ ШЕКСПИРА. 66 СОНЕТ	107
Иван-чай, вскипающий по склону...	108
Перспектива обратного счёта...	109
ВОСЬМАЯ ЛИНИЯ	110
СТАНСЫ К NN	111
На пределе спокойствия нервов...	112
Неправильно, неумело...	113
РИМСКАЯ ПРОГУЛКА	114
Монашествующий в миру	115
Здесь небо ползёт на восток...	116
Вагонные вёрсты...	117
А на потом, конечно, – суп с котом...	118
ИЗ АРТЮРА РЕМБО. ПЬЯНЫЙ КОРАБЛЬ	119

III. ГАРДАРИКА

БОНАДИЕС	131
ОБЛОМОК ГЕКЗАМЕТРА	132
Обласкан и поставлен на довольствие...	133
Когда на волховских низинах...	134
АКРОСТИХ КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА	135
ЗАМОРСКИЕ ГОСТИ	136
РУНЫ СТАРОЙ ЛАДОГИ. ГОД 865	137
ВИКИНГ	138
ЖРЕБИЙ ДЛЯ ОЛЬГИ	139

ОЛЕГОВА ВИСА	140
АМУЛЕТ	141
Запахали плешину, поставили сруб...	142
ПРОРИЦАНИЕ ОРВАРУ ОДДУ	143
МАЛЫШЕВА ГОРА	144
ИЗ ЭЙОЛЬВА ДАДАСКАЛЬДА	145
ТРИ ТЕКСТА БОЯНА	
О СВЯТОСЛАВЕ ИГОРЕВИЧЕ	146
ЛИСТВЕНСКАЯ БИТВА	146
БОЯНОВА ВИСА	147
ИЗ ОЛАВА СВЯТОГО. 1029 ГОД	148
ПОСЛЕДНИЙ СКАЛЬД	149
МЕСТЬ ОЛЬГИ	150
УРОЧИЩЕ ПЛАКУН	151
СТАНСЫ АЛЬДЕЙГИИ	152
АХМАТОВА ГОРА	
I. Не горка, не полгорка – останец...	154
II. Мировое древо надломилось...	154
Двенадцати веков вороньи ризы...	155
СТАНСЫ ГАРДАРИКЕ	156
ЕЛИСАВА И ЗМЕЙ	
I. Лет через тыщу брести у реки...	158
II. Что нам сегодня намоет река...	159
РУНЫ СЫНУ	160
ВЕРХНЯЯ РЕКА	161
ЛУБЯНАЯ СКОМОРОШИНА	162
НА ЛЮБШЕ	163
СЕВЕРЯК	164
ПЛАЧ И ПОБЕГ	166
ПОБЕДИЩЕ	169
Альдейгия – страна невелика....	170
ДОРОГА ВО ВЩИЖ	171
И жили без особенных забот...	172

IV. ТЕТРАДЬ С АНТРЕСОЛЕЙ

Серый, розовый, лиловый...	175
Когда этнографы XIX столетья...	176
Вот лежит он из-за лишней крошки...	177
НРАВОУЧИТЕЛЬНОЕ	178
Ты в восьмом, я уже в девятом....	179

СТАРИННАЯ ГРАВЮРА	180
От того, сколько ты прстоишь у окна...	181
ЧЕЛОВЕК С СОБАКОЙ	182
С полуразговорной ноты...	183
На бульваре листвы поредела стена....	184
30 АПРЕЛЯ	185
Наши бедные матери...	186
Опадает первый лист...	187
БЕЗБОЖНЫЙ ПЕРЕУЛОК	188
Тамбурным не увлекаясь мужским разговором...	189
КОЛОКОЛЬЧИК С БОНАПАРТОМ	190
ТАНЦЫ В ТАРУСЕ	191
РЕЗЧИКОВ ПЕРЕУЛОК	192
Как мамина рука...	193
С популярного издания...	194
Чего в карманах только нет...	195
Руки сцепятся, как реки...	196
Дачная местность конца ноября...	197
Страшно снежинке лететь на ладонь...	198
Скверик против шахматного клуба...	199
В виде света разной густоты...	200
Из почтового потом...	201
Все грядущие печали...	202
За что они заплатят мной	203
Всего-то уюта...	204
ПРИСТУП	205
УГЛОВОЙ ПЕРЕУЛОК...	206
ТАРУССКИЕ ЯБЛОКИ	207
...И семя своё разбросав по земле....	212
Ещё ты и не называлась женой....	213
ВЫРСКАЯ СТАНЦИЯ	214
В юности сыро и стрёмно...	220
Можно ли и пожелать такого...	221
И снова гарью к потолку...	222
ЗАЛ ОЖИДАНИЯ	223
АВИАТОР	224
Вылепился – доверяйся же обжигу...	226
ПАШКА	227
НИНА	228
Соловьиного пенья, что сора в прозябшей низине...	229
ПИТЕРСКИЕ СТРОФЫ.	230

Не глотнувшие духа и страха того...	234
Гиря до полу дошла...	235
С УКРАИНСКОГО. <i>Два стихотворения Лины Костенко</i>	
I. Над срубом монастырского колодца...	236
II. Фанерных журавлей не окликает вырий...	236
Снег на ниточках идёт...	237
Эта слабая тень в слишком позднем окне...	238
Горят васильки крестоцвета...	239
ВЛАДИМИРСКАЯ	240
Веточка вены на левом виске...	241
Машинист и сам не знает...	242
Эта жизнь моя, крытая толем....	243
Вёдро. Пустое ведро опрокинуто навзничь....	244
Зачем мне этот ключ от дома....	245
И сердце тобой захлебнется, едва...	246
ПАРАД В ВОСЬМИДЕСЯТОМ	247
Едва повернёт от Успения к Покрову...	248
Когда уйдут и эти....	249
Перепели песни и во тьму...	251
Прагматики, железные мужи....	252
РАСПУТИЦА	253
ГЕНЕТЛИАКОН	255
От нервического тика...	264
ПАРИЖАНКА	265
БЕЛАЯ ПОЭМА	266
СТИХИ К ОЛЬГЕ К***	
БЕЛОЕ ДЕЛО	270
Паришь ангелочком фарфоровым....	270
Ничего ещё не решено...	271
А ты – письмо из юности моей....	271
Ангел, вслепую парящий над Лиговкой не...	272
Опереться о воздух локтями...	273
В АЛЬБОМ ТОЛИ КОБЕНКОВА.	274
РУССКОЕ СТОЛЕТЬЕ	275
ИЗ СТИХОВ ПЕЛАГЕИ МАРФОВНЫ,	
<i>Ныне здравствующей воспитанницы</i>	
<i>Смольного института, с 1918 года</i>	
<i>проживающей в городе Тарусе</i>	276

Андрей Юрьевич Чернов

ГЛУХАЯ ИСПОВЕДЬ

Стихи и переводы

Корректор

Дарья Ефимова

Вёрстка, оформление и карандашный портрет

на обороте авантюла работы

Наталии Введенской

8, rue Boris Vildé

92260 Fontenay-aux-Roses

FRANCE

Связаться с автором:

Email: trezin@yandex.ru

Сайт: www.chernov-trezin.narod.ru

Электронный журнал: www.nestoriana.wordpress.com

© А. Ю. Чернов. Стихи. 2014

© "Синтаксис"